

ИРЭН ВЕСЁЛАЯ

ЗАКОН БУМЕРАНГА ИРЭН ВЕСЁЛАЯ

ЗАКОН БУМЕРАНГА

Адвокат бывшего

Ирэн Весёлая

Закон бумеранга.

Адвокат бывшего.

<https://litres.ru/74469149>

Аннотация

Десять лет назад отец моего жениха вышвырнул меня из дома, заявив, что «нищая колхозница» не пара его сыну. Максим, моя первая любовь, трусливо промолчал и уехал в столицу, оставив меня одну... с тайной под сердцем.

Я выжила. Я стала «железной леди» — лучшим адвокатом Москвы, который не проигрывает дел. И вот бумеранг вернулся. Империя бывшего рушится. Его отца арестовали, а сам Максим оказался никчемным мотом, который вот-вот пустит по миру не только свою семью, но и моих родителей.

Теперь я — их единственный шанс на спасение. Я возвращаюсь в родную деревню не чтобы мстить, а чтобы защитить свое. Но я не учла одного: Максим уверен, что мы можем начать все сначала. Он еще не знает, что мой девятилетний сын, глядящий на него, как две капли воды похож на него, — и это его приговор.

В тексте вас ждут: Встреча через время (он пожалеет, что потерял её) # Сильная героиня (сделала себя сама и утерла нос обидчикам) Тайный ребенок (копия папы, но характер мамин)

Противостояние характеров (искры летят!) Настоящий мужчина
(который покажет разницу между любовью и предательством) ☆☆☆
Закон бумеранга (каждый получит по заслугам)

♥# ХЭ (Счастливый конец) обязателен!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	28
Глава 4	39
Глава 5(Сергей)	52
Глава 6	64
Глава 7	78
Глава 8	90
Глава 9(Максим)	102
Глава 10	115
Глава 11(Сергей)	125
Глава 12	135
Глава 13	150
Глава 14	163
Конец ознакомительного фрагмента.	165

Глава 1

— Именем Российской Федерации...

Голос судьи звучал монотонно, как шум дождя, но для моего оппонента каждое слово было ударом молота. Я стояла, идеально выпрямив спину, и смотрела прямо перед собой. Никакой улыбки. Никакого триумфа на лице. Только холодная, вежливая сосредоточенность.

Краем глаза я видела, как багровеет лицо Виктора Павловича, адвоката ответчика. Грузный мужчина за пятьдесят, он еще два часа назад пытался фамилльярничать со мной в коридоре. Называл «милочкой», намекал, что дела о банкротстве застройщиков — это не для женских плеч, и советовал поберечь нервы.

Теперь его нервы сдавали, а мои были в порядке.

— ...исковые требования удовлетворить в полном объеме. Привлечь генерального директора к субсидиарной ответственности...

Это был разгром. Виктор Павлович скомкал бумаги, бросив на меня взгляд, полный ненависти. Я лишь слегка кивнула ему, когда судья закрыл заседание.

— Поздравляю, Василиса Андреевна, — тихо произнес мой помощник, собирая документы в портфель. — Вы его просто уничтожили.

— Я просто выполнила свою работу, Дима, — сухо ответила я, поправляя манжеты белой блузки. — Идем. У меня через час встреча.

Мы вышли из душного зала в прохладный коридор Арбитражного суда Москвы. Стук моих шпилек по мраморному полу эхом отлетал от стен. Этот звук я любила. Звук уверенности. Звук денег. Звук власти.

Десять лет назад я ходила в резиновых сапогах по размытой грунтовке и вздрагивала от каждого окрика. Десять лет назад я была никем. «Нищенкой», «приживалкой», «охотницей».

Сегодня я — Василиса Маркелова, один из самых дорогих специалистов по корпоративным спорам столицы. Мой час стоит столько, сколько мой отец зарабатывал за год тяжелого труда на тракторе.

В лифте я наконец позволила себе выдохнуть. Плечи чуть опустились, маска «железной леди» дала трещину. Я достала телефон. На экране висело сообщение от Дарьи:

«Кирюша занял первое место! Шах и мат в три хода. Весь в мать!»

И фото. Мой сын с грамотой в руках. Улыбка до ушей, вихрастая челка, умные, серьезные глаза.

Сердце кольнуло острой, сладкой иглой. Девять лет. Ему

уже девять. Он растет так быстро, а я вижу его урывками — между судами, командировками и поздними совещаниями.

Я провела пальцем по экрану, увеличивая фото. Кирилл был моей копией характером — упрямый, целеустремленный. Но внешне... С каждым годом в его чертах все отчетливее проступал он. Тот, чье имя я запретила себе произносить вслух. Тот же разрез глаз, та же форма подбородка.

Судьба умеет шутить зло. Мой сын — вылитый отец. Человек, который даже не знает о его существовании. И не узнает никогда. Это моя тайна, моя страховка и моя боль.

Лифт дзынькнул, открывая двери на подземную парковку. Я направилась к своему внедорожнику — хищному, черному зверю, который послушно мигнул фарами, приветствуя хозяйку.

Я села за руль, вдохнула запах дорогой кожи и парфюма. Тишина салона обволакивала, отсекая шум мегаполиса. Нужно позвонить Дашке, сказать, чтобы купила Кириллу тот конструктор, о котором он мечтал...

Телефон ожил в руке. На экране высветилось: «Мама».

Я нахмурилась. Мама знала мой график. Она никогда не звонила в разгар рабочего дня, боясь отвлечь «важную дочь» от дел. Внутри шевельнулось дурное предчувствие — липкое, холодное, как осенний туман в нашей деревне.

— Да, мам? — ответила я, заводя мотор.

— Вася... Васенька... — голос матери срывался, она плакала. — Беда у нас, дочка. Ой, беда...

Мои руки крепче сжали руль.

— Успокойся. Что случилось? Папа?

— Папа... — всхлипнула она. — Скорая только уехала. Сердце прихватило. Лежит, белый весь, говорить не может...

— Я выезжаю, — мгновенно отреагировала я, уже прикидывая маршрут. — Что произошло? Говори четко.

Мама сделала глубокий вдох, пытаясь унять рыдания:

— ОМОН приезжал, Вася. В правление колхоза ворвались, всех лицом в пол положили. Петра Ильича... Кулагина... в наручниках вывели, как бандита какого! Говорят, хищения у них там на миллионы.

— Кулагина арестовали? — переспросила я, чувствуя, как внутри поднимается волна злорадства.

Председатель колхоза. Царь и бог нашего района. Человек, который десять лет назад швырнул мне в лицо конверт с деньгами и сказал: «Убирайся, подстилка, чтобы духу твоего здесь не было. Моему сыну нужна ровня, а не дочь тракториста».

— Забрали, дочка, — продолжала мама, и в ее голосе за-

звучал настоящий страх. — Но это полбеды. Приехал какой-то новый управляющий, из городских. Сказал, колхоз банкрот. Сказал, что паи земельные, наши паи, Вася, которые отец всю жизнь зарабатывал... что они теперь ничего не стоят. Что заберут их за долги банкам. А как же мы жить будем? Отец как услышал, так и упал...

Я заглушила мотор. Тишина в машине стала звенящей.

Земельные паи. Это было все, что у них было. Гектары земли, которые кормили семью, которые родители сдавали в аренду колхозу. Их пенсия, их надежда, их жизнь.

— А что... Максим? — имя далось мне с трудом, будто я выплюнула камень.

— Ох, этот... — голос матери затвердел. — Вернулся он, Вася. Неделю как здесь. Ходит гоголем, на джипе отца разъезжает. Пока старика в автозак пихали, он даже не вышел. Стоял в сторонке, по телефону трещал. Люди говорят, это он все и замутил. Продаст остатки техники, землю с молотка пустит — и поминай как звали. А мы по миру пойдем.

Перед глазами вспыхнула красная пелена.

Максим. Моя первая любовь. Моя первая ошибка. Мальчик-мажор, который клялся в вечной любви под луной, а потом трусливо спрятался за спину папочки и уехал в Лондон, оставив меня разгребать последствия нашей «любви» в оди-

ночку.

Значит, вернулся. И снова за счет других. Только теперь он решил уничтожить не только меня, но и моих родителей.

Я посмотрела на свое отражение в зеркале заднего вида.

Оттуда на меня смотрела не заплаканная девчонка с разбитым сердцем. Оттуда смотрела волчица, почуявшая угрозу для своей стаи. Мои губы сжались в тонкую линию.

— Мам, — мой голос прозвучал жестко, как приговор. — Слушай меня внимательно. Никаких бумаг не подписывать. Никому двери не открывать. Дай отцу лекарства и сиди тихо.

— Вася, ты чего удумала? Нам бы адвоката какого... Местный-то, Семеныч, пьет неделю...

— Не нужен вам Семеныч, — отрезала я. — Я приеду.

— Когда?

— Сегодня ночью буду.

Я сбросила вызов и набрала номер управляющего партнера нашей фирмы.

— Андрей? Это Маркелова. Мне нужен отпуск. Срочно. Семейные обстоятельства. Да, дело «СтройИнвеста» я закрыла. Нет, это не обсуждается.

Я бросила телефон на пассажирское сиденье и выжала газ.

Кулагины думают, что они хозяева жизни? Они думают, что могут растоптать простых людей и уехать в закат с чемоданом денег?

Они ошибаются.

Они забыли один простой закон физики, который работает и в жизни. Чем сильнее ты швыряешь бумеранг, тем больше он бьет, когда возвращается.

Я еду домой.

И я буду защищать свое. А если для этого придется разрушить их гнилую империю до основания — что ж, я сделаю это с удовольствием.

Берегись, Сосновка. Васька возвращается.

Глава 2

Чемодан на кровати лежал с открытым зевом, словно хищник, ожидающий кормления. Я не бросала в него вещи хаотично, как делают женщины в истерике. Нет. Я укладывала их с хирургической точностью, будто патроны в обойму.

Никаких растянутых свитеров. Никаких удобных джинсов «для огорода». Никаких мягких балеток, в которых удобно месить деревенскую грязь.

Я ехала в Сосновку не картошку копать. И уж точно не плакать в подушку в своей старой девичьей спальне с выцветшими обоями.

Белая шелковая блузка — в чехол. Темно-синий брючный костюм, сшитый на заказ в Милане, — аккуратно сверху. Туфли на шпильке, которые стоят как подержанная «Лада» моего соседа дяди Миши, — в отдельный мешок.

Мой гардероб был моими доспехами. В деревне встречают по одежке, а провожают по тому, насколько больно ты умешь кусать в ответ. Они должны видеть не Ваську, дочь тракториста, а Василису Андреевну Маркелову, женщину, которая может купить их колхоз, не оформляя кредит.

— Ты берешь с собой «Лабутены» в глушь, где асфальт

видели только по телевизору? — голос Дарьи вывел меня из транса.

Моя подруга и по совместительству лучшая няня на свете стояла в дверном проеме, скрестив руки на груди. Дашка была моим тылом. Единственным человеком, кто знал всю подноготную и видел, как я была волчицей в подушку девять лет назад в тесной комнате общежития.

— Я беру с собой инструменты влияния, — сухо отозвалась я, застегивая молнию на чемодане. Звук вышел резким, как выстрел.

— Вась, у тебя руки дрожат, — Даша подошла ближе, перехватила мою ладонь. Её пальцы были теплыми, живыми, в отличие от моих — ледяных. — Может, ну его? Найдем кого-нибудь. Денег хватит. Зачем тебе самой в это болото лезть? Там же... он.

Она не назвала имени. В моем доме это имя было под запретом, как грязное ругательство.

— Потому что никто не будет драться за моих родителей так, как я, — я высвободила руку и подошла к зеркалу. Поправила идеально уложенные волосы. — И потому что я хочу посмотреть ему в глаза. Не Максиму. Его отцу. Хочу увидеть, как великий Петр Кулагин будет смотреть на ту, кого называл «нищенкой», когда от меня будет зависеть его судьба.

— Месть — блюдо холодное? — хмыкнула Даша.

— Справедливость, Даш. Только справедливость.
Я развернулась к ней, включая режим «начальник»:

— Слушай внимательно. Я оставила деньги на карте, пинкод ты знаешь. Если кто-то будет звонить на домашний и спрашивать меня — сбрасывай. Если придут странные люди — дверь не открывать, сразу вызывай охрану ЖК. Мой личный номер будет включен, но я могу не ответить сразу.

— Ты говоришь так, будто на войну едешь, а не к маме с папой, — покачала головой подруга.

— Там сейчас одно и то же, — отрезала я. — Где Кирилл?

— У себя. Собирает новый набор, который ты привезла на прошлой неделе. Он слышал, как ты кричала в трубку. Вась... он все понимает. Не ври ему слишком явно.

Я кивнула, чувствуя, как внутри сжимается тугой узел. Самое сложное было не собраться. Самое сложное было войти в детскую и не рассыпаться на части.

Кирилл сидел на ковре, окруженный деталями сложного конструктора. Девять лет. Всего девять, но в его взгляде уже была та сосредоточенность, которая пугала меня до дрожи. Он не строил по инструкции. Он всегда придумывал что-то свое.

Услышав шаги, сын поднял голову. Темные вихры, упрямая складка между бровей, форма губ...

Господи, за что мне это? Почему природа так жестоко по-

штутила, скопировав черты предателя и впечатав их в лицо самого любимого существа на свете? Каждый раз, глядя на сына, я видела Максима. Но не того спившегося мажора, которым он, по слухам, стал, а того юного парня, в которого я была влюблена до беспамятства.

— Ты уезжаешь? — спросил Кирилл. Голос у него был спокойный, не детский. Он отложил деталь космического корабля.

Я опустила рядом с ним на ковер, не заботясь о том, что помну брюки.

— Да, милый. Появилась срочная работа. Очень сложный клиент.

— Это в том месте, где живут бабушка и дедушка? — он смотрел мне прямо в глаза. Пронзительно, умно.

Врать сыну я ненавидела. Но правда была слишком опасной.

— Рядом, — уклончиво ответила я, поправляя ему челку.
— Но я не смогу к ним заехать просто так. Там... проблемы с документами. Нужно все уладить.

— Ты обещала, что летом мы поедем к ним, — тихо сказал Кирилл. — Пашка из класса ездил к деду на Волгу. Они рыбу ловили. А я дедушку только по видеосвязи видел. Он болеет? Бабушка плакала по телефону?

Сердце пропустило удар. Он слышал. Уши у этого парня

были как локаторы.

— Дедушке просто нездоровится, Кирюш. Старость — она такая. Давление скачет. Я еду помочь им с лекарствами и... с делами.

— Я хочу с тобой, — твердо заявил он. — Я помогу. Я могу читать дедушке вслух. Или просто воды принести. Я взрослый уже, мам.

У меня перехватило горло. Если бы он знал... Если бы он знал, что в той же деревне живет еще один дедушка. Тот, который мог бы научить его не только рыбалке, но и управлению огромным хозяйством. Тот, который имеет власть и деньги. И тот, который десять лет назад сказал, что мой ребенок — это «нагулянный ублюдок», которому не место в их благородном семействе.

— Не в этот раз, герой, — я притянула сына к себе, вдыхая запах его макушки — шампунь, печенье и что-то неуловимо родное. — Там сейчас не до гостей. Обещаю, как только я все решу, мы придумаем что-нибудь насчет поездки. А пока ты остаешься за главного мужчину в доме. Слушайся тетю Дашу.

— Ладно, — вздохнул он, отстраняясь. — Но ты привези мне оттуда... камень.

— Камень? — удивилась я.

— Ну да. Обычный камень с дороги. Хочу посмотреть, какая там земля, где ты выросла.

Я едва сдержала слезы. Камень. Если бы ты знал, сынок, сколько камней бросили в спину твоей матери на той земле.

— Привезу, — пообещала я и быстро встала, пока маска «железной леди» окончательно не сползла. — Я люблю тебя. Будь на связи.

Ночная трасса М-4 была похожа на черную ленту, по которой я скользила в капсуле своего внедорожника. Дождь барабанил по крыше, дворники мерно счищали потоки воды, гипнотизируя.

Москва осталась позади, сияющая огнями, сытая, безопасная. Мой мир. Мир, который я выгрызла зубами у судьбы. Чем дальше я отъезжала от МКАДа, тем гуще становилась тьма. Фонари встречались все реже, дорога становилась хуже. Ямы, заплатки на асфальте — машину трясло, и эта тряска отдавалась в позвоночнике нервным напряжением.

Я включила радио, чтобы заглушить мысли. Тихая мелодия, какой-то поп-рок десятилетней давности.

«...я знаю пароль, я вижу ориентир...»

Рука дернулась выключить, но я замерла. Эта песня. Она играла из открытых окон его машины в тот день.

Воспоминание накрыло меня, как цунами. Не спросив

разрешения, не дав подготовиться.

Десять лет назад. Август.

Жара стояла такая, что плавился асфальт, а воздух дрожал над полями. Я шла к дому Кулагиных, сжимая в потной ладошке бумажку из женской консультации. Сердце колотилось где-то в горле. Я была счастлива. Глупая, наивная восемнадцатилетняя дура.

Я думала, Максим обрадуется. Мы же мечтали. Ну, как мечтали... Я мечтала, а он слушал и улыбался той самой улыбкой, от которой у меня подкашивались колени. Он говорил, что любит. Говорил, что мы уедем в город, что он не хочет быть просто «сыном председателя».

Я подошла к кованым воротам их особняка. Он казался мне дворцом.

Максим вышел на крыльцо не один. С ним был отец. Петр Ильич Кулагин. Хозяин района. Человек-гора, на которого в деревне боялись даже дышать неправильно.

— Максим! — крикнула я, улыбаясь. — Мне нужно поговорить!

Максим дернулся, сделал шаг ко мне, но тяжелая рука отца легла ему на плечо. Пригвоздила к месту.

Петр Ильич спустился по ступенькам. Медленно, тяжело. Он подошел к воротам, но не открыл их. Мы разговаривали

через решетку. Как в тюрьме.

— Чего тебе, Маркелова? — спросил он. Не грубо. С брезгливостью. Будто я была навозной мухой, залетевшей в его стерильный кабинет.

— Я... у меня новость, — пролепетала я, чувствуя, как улыбка сползает с лица. — Для Максима.

— Говори. У него от отца секретов нет.

Я посмотрела на Максима. Он стоял на крыльце, метрах в десяти. Красивый, в модной футболке, с ключами от новенькой машины в руках. Он смотрел в сторону. На клумбу с розами. Куда угодно, только не на меня.

— Мы... у нас будет ребенок, — выдохнула я, надеясь, что сейчас он подбежит, обнимет, защитит.

Тишина. Только цикады стрекочут, разрывая барабанные перепонки.

Петр Ильич рассмеялся. Коротко, лающе.

— Ребенок, значит? Быстро ты. Шустрая. Мать твоя тоже шустрая была, все в правление бегала, глазами стреляла.

— Не смейте! — вспыхнула я. — Это ребенок Максима!

— Да неужели? — Кулагин-старший достал из кармана конверт. Белый, толстый. — Слушай сюда, девочка. Мой сын едет учиться в МГИМО. У него блестящее будущее. Дипло-

матическая карьера, стажировка в Лондоне. Ему нужна ровня. Девушка из приличной семьи, со связями, а не дочь механизатора, которая, кроме коровьих хвостов, ничего в жизни не видела.

Он просунул конверт сквозь прутья решетки. Конверт упал в пыль у моих ног.

— Здесь хватит, чтобы решить твою... проблему. В областной клинике сделают все чисто. А на сдачу купишь себе мозгов. И чтобы духу твоего здесь не было. Если попробуешь вякнуть кому, что нагуляла от моего сына — я твоего отца сотру. Уволю по статье, волчий билет выпишу, сгниет под забором. Ты меня знаешь.

Я не смотрела на деньги. Я смотрела на Максима.

— Макс? — мой голос дрожал. — Макс, почему ты молчишь? Скажи ему! Скажи, что это наш малыш!

Максим наконец поднял голову. В его глазах я увидела не любовь. Не сожаление. Я увидела страх. Животный страх перед отцом и... облегчение. Облегчение от того, что папа решает проблему за него.

Он ничего не сказал. Просто развернулся и зашел в дом, хлопнув тяжелой дубовой дверью.

Этот звук хлопка преследовал меня в кошмарах годами. Звук, с которым захлопнулась моя юность.

Реальность.

Машину тряхнуло на колдобине так, что зубы клацнули. Я вынырнула из воспоминаний, жадно хватая ртом воздух. Руки на руле побелели, ногти впивались в кожаную оплетку.

Я выключила радио. К черту музыку.

Впереди показался указатель: «Сосновка. 2 км».

Темнота здесь была густой, деревенской. Фонари не горели, только редкие окна домов светились желтыми квадратами.

Дорога пошла вверх, на холм. Справа, возвышаясь над остальной деревней, как феодальный замок, стоял особняк Кулагиных.

Я сбавила скорость.

Даже сейчас, когда главу семейства увезли в СИЗО, дом жил полной жизнью. Окна сияли, во дворе горела иллюминация, подсвечивая те самые кованые ворота. Я увидела силуэт дорогого внедорожника у входа.

Максим не экономил электричество. Максим праздновал свободу. Пока его отец спал на нарах, сынок, видимо, допивал запасы элитного алкоголя.

Злость, холодная и расчетливая, затопила меня. Ну что ж, Максик. Пей. Наслаждайся. Твое похмелье будет страшным. Я тебе это гарантирую.

Я проехала мимо особняка, спускаясь в низину, в ту часть деревни, где жили простые смертные. Здесь асфальт заканчивался, переходя в укатанную грунтовку с лужами. Мой «BMW» недовольно заворчал, переваливаясь через ямы.

Вот и наш переулок. Узкий, заросший сиренью. Забор, который отец красил каждый год в синий цвет. Дом, обшитый сайдингом — я присылала деньги на ремонт три года назад.

Я подъехала к воротам и резко ударила по тормозам.

У калитки стояла «Скорая помощь». Старый, дребезжащий «УАЗик» с включенными, но молчащими мигалками. Синий свет пульсировал в темноте, выхватывая кусты смородины, скамейку, покосившийся почтовый ящик.

Сердце ухнуло куда-то в пятки.

— Папа... — прошептала я одними губами.

Я не стала глушить мотор, выскочила из машины, забыв закрыть дверь. Каблуки мгновенно увязли в размокшей земле, но мне было плевать. Я бежала к крыльцу, молясь всем богам, в которых верила и не верила.

Дверь распахнулась, и навстречу мне вышел фельдшер — усталый мужик в мятом халате с чемоданчиком в руке.

— Где он?! — крикнула я, хватая его за рукав. — Что с ним?!

Фельдшер окинул меня взглядом — брючный костюм, безумные глаза, дорогая машина за спиной.

— Тише, дамочка, тише, — проворчал он, стряхивая мою руку. — Живой ваш Маркелов. Купировали приступ.

Я прислонилась к стене дома, чувствуя, как ноги становятся ватными. Живой.

— Инфаркт? — спросила я, стараясь вернуть голос в профессиональный режим.

— Предынфарктное, — фельдшер закурил, не спрашивая разрешения. — Давление под двести шарахнуло. Нервы. Ему покой нужен, а у вас тут... Вся деревня на ушах стоит. То ОМОН, то теперь эти... коллекторы недоделанные.

— Какие коллекторы? — я напряглась.

— Да ходят тут, — он махнул рукой в сторону центра. — Бумаги суют, пугают, что землю отберут. Старики и так на ладан дышат, а тут такое. Ладно, мне ехать надо. Укол я сделал, спать он будет до утра. Матери скажите, чтобы валидол под языком держала.

Он сел в «буханку» и уехал, оставив меня в темноте.

Я выдохнула, стряхнула грязь с туфель (бесполезно) и

толкнула входную дверь.

В доме пахло лекарствами — корвалолом, валерьянкой и старым деревенским уютom: печкой, сушеными травами и пирогами. Этот запах детства, смешанный с запахом болезни, ударил в нос, вышибая слезы.

Мама сидела за кухонным столом, сгорбившись, глядя на остывший чайник. Она постарела. Господи, как она постарела за этот год, что мы не виделись. Седые пряди выбились из-под платка, лицо в морщинах, руки, узловатые от работы, теребят край скатерти.

— Мам? — тихо позвала я.

Она вздрогнула, подняла голову. Секунду смотрела на меня непонимающе, а потом ее лицо исказилось, губы задрожали.

— Васенька... Приехала...

Она встала, тяжело опираясь на стол, и я бросилась к ней. Мы обнялись посреди тесной кухни. Она пахла так же, как и десять лет назад — мамой. Самым безопасным местом на земле.

Я почувствовала, как мои плечи намокают от ее слез. Моя броня, мои доспехи из Милана — все это сейчас не имело значения.

— Тише, мамуль, тише, — шептала я, гладя ее по спине. — Я здесь. Я приехала. Все будет хорошо.

— Ничего не будет хорошо, дочка, — всхлипнула она, отстраняясь и вытирая лицо фартуком. — Ты не представляешь, что творится. Они нас уничтожат. Кулагин-то, ирод старый, хоть и воровал, но своих не топил. А сынок его...

Она понизила голос, словно боялась, что нас подслушивают.

— Максим вчера в магазине был. Пьяный, веселый. Кричал, что продаст «Зарю» столичному холдингу, а всех нас — за ворота. Говорил: «Хватит в навозе ковыряться, теперь тут будет элитный коттеджный поселок с полем для гольфа». Полем для гольфа, Вася! На наших паях! На земле, где дед твой пшеницу сеял!

Я усадила ее обратно на стул, налила воды в стакан. Руки у меня больше не дрожали. Внутри разливался холодный, спокойный гнев. Тот самый, который помогал мне выигрывать безнадежные процессы в суде.

Поле для гольфа. Значит, Максим решил сыграть по-крупному. Решил продать родину, чтобы покрыть свои долги. Я была уверена, что долги у него есть — такие, как он, не возвращаются в деревню от хорошей жизни.

— Папа спит? — спросила я.

— Спит, укол подействовал.

— Хорошо. Ложись и ты. Тебе нужны силы.

— А ты? — мама с тревогой посмотрела на меня. — Ты же с дороги, устала. Поешь хоть? Я борщ варила.

— Я не голодна, мам. Мне нужно разобрать вещи и... посмотреть документы.

— Какие документы? Ночь на дворе.

— Документы на паи. Договоры аренды. Все, что есть. Где они лежат? В серванте, в нижней полке?

Мама кивнула.

— Там, в папке синей. Только зачем тебе?

Я подошла к ней, поцеловала в седую макушку.

— Затем, что завтра утром я пойду в правление. И мне нужно знать, чем бить врага.

— Вася, не ходи к нему, — мама схватила меня за руку, глаза ее расширились от страха. — Максим... он изменился. Страшный он стал. Глаза пустые, злые. Он тебя не пожалеет. Я улыбнулась. Недобро, криво.

— А мне не нужна его жалость, мам. Я не просить иду. Я иду забирать свое.

Оставив маму на кухне, я прошла в зал. Старый сервант скрипнул, открывая свои тайны. Я достала папку с докумен-

тами, сдула с нее пыль.

За окном шумел дождь, где-то вдалеке выла собака. В доме Кулагиных на горе продолжался пир во время чумы.

Я села за стол, включила настольную лампу и открыла папку.

Ну что, Максим Петрович. Поиграем в гольф? Только мячиком в этой игре будет твоя голова. А клюшка теперь в моих руках.

Я погрузилась в чтение, чувствуя, как усталость отступает перед азартом охотника, который наконец-то увидел цель. До рассвета оставалось несколько часов. Этого хватит, чтобы подготовить первый удар.

Глава 3

Проснулась я от боли в спине. Старый диван в гостиной, на котором я провела не одну бессонную ночь в юности, готовясь к экзаменам, теперь казался пыточной машиной. Пружина впивалась в бок с настойчивостью налогового инспектора.

Я открыла глаза, и на секунду мне показалось, что я снова подросток. Те же выцветшие обои в цветочек, тот же ковер на стене с оленями, те же ходики, тикающие в ритме деревенской жизни — медленно, тягуче. Но потом взгляд упал на угол комнаты. Там, словно инопланетные артефакты в музее краеведения, стояли мои туфли «Маноло Бланик», безнадежно испачканные вчерашней грязью.

Реальность вернулась мгновенно. Мне тридцать. Я адвокат. Мой отец вчера чуть не умер, а моя первая любовь планирует продать землю моих предков под поле для гольфа.

Я села, потирая затекшую шею. В доме пахло блинами. Этот запах — горячего масла, теста и ванили — был настолько родным, что захотелось разреваться. Мама. Даже когда мир рушится, она встает в шесть утра и печет блины.

На кухне было светло. Утреннее солнце, холодное и прозрачное после ночного дождя, заливало стол, покрытый клеенкой в клетку. Мама стояла у плиты, ловко переворачивая

кружевной блин.

— Проснулась, дочка? — она обернулась. Глаза красные, припухшие, но движения спокойные, привычные. — Садись, пока горячие. Сметана свежая, у соседки брала.

— Доброе утро, мам.

Я села за стол, чувствуя себя неуютно в своей шелковой пижаме посреди этой простой кухни.

— Как папа?

— Спит, — вздохнула мама, ставя передо мной тарелку с горькой блинов. — Ночью просыпался, воды просил. Бледный он, Вася. Совсем сдал.

Я отодвинула тарелку.

— Мам, я не буду. Только кофе.

— Опять ты со своими диетами, — укоризненно покачала головой она, но полезла в шкафчик за банкой растворимого кофе. Другого здесь не водилось. — Вчера не ела, сегодня не ешь. В чем душа держится?

Я не стала объяснять, что дело не в диете, а в том, что кусок в горло не лезет. Я смотрела на банку с коричневым порошком и думала о бумагах, которые изучала до трех ночи.

— Мам, — начала я, делая глоток горькой бурды, которую

здесь называли кофе. — Я посмотрела документы. Те, что ты мне дала.

Мама замерла с половником в руке.

— И что там?

— Там бардак, мам. Полный юридический хаос. Договоры аренды паев, которые вы подписывали с колхозом, просрочены еще два года назад. Фактически, вы сейчас пользуетесь землей на птичьих правах. Вас могут выгнать в любой момент, и по закону они будут правы.

Мама опустила на табурет, плечи ее поникли.

— Как же так... Петр Ильич говорил... Он же собрание собирал, говорил: «Не парьтесь, мужики, бумаги — это формальность. Мы ж свои люди, я ж за вас горой». Мы и верили.

— «Свои люди», — ядовито повторила я. — Он специально это сделал. Держал вас на коротком поводке. Если бы кто-то захотел выйти из колхоза или продать пай на сторону — он бы просто ткнул носом в просроченный договор и отобрал землю. Хитрый лис.

— А теперь что? — голос мамы дрогнул. — Теперь все? Конец?

— Нет, — я сжала чашку так, что пальцы побелели. — Не все. Есть такое понятие, как фактическое вступление в права пользования. Есть свидетельские показания. Я найду зацепку. Но мне нужно поговорить с отцом.

— Не тревожь его, Вася.

— Надо, мам. Мне нужно знать детали.

Я допила кофе одним глотком, поморщилась от привкуса жженого сахара и встала.

— Пойду к нему.

В спальне родителей пахло лекарствами и старостью. Отец лежал на высоких подушках, глядя в потолок. Увидев меня, он попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривой, виноватой.

— Ну здравствуй, столичная штучка. Чего примчалась? Сами бы разгребли.

Я села на край кровати, взяла его руку. Кожа сухая, горячая.

— Разгребли бы вы, как же. Пап, ты когда последний раз читал то, что подписываешь?

— Да чего там читать... — он отмахнулся, но я видела, как в глазах мелькнул стыд. — Петр — мужик крутой, но слово держал. Раньше.

— Раньше, — эхом отозвалась я. — А теперь Петра закрыли. А вместо него...

— Максимка, — закончил отец. Лицо его помрачнело. — Слышал я. Вернулся блудный сын. Говорят, ходит тут королем, распоряжения раздает. Опасный он стал, Васька. Не тот мальчишка, что за тобой бегал.

— В каком смысле опасный?

— Глаза у него... пустые. Как у рыбы мороженой. Ни совести там, ни души. Только жадность. Не лезь ты к ним, дочка. У них деньги, связи, охрана. А ты одна. Уезжай в свою Москву, к сыну. Мы тут сами доживем как-нибудь. Картошку посадим, куры есть...

Я сжала его ладонь крепче.

— Никуда я не уеду, пап. И доживать вы не будете. Вы будете жить. Нормально жить. Я вам это обещаю. А Максим...

Я усмехнулась, вспоминая вчерашний блеск окон в особняке на горе.

— Пусть Максим молится, чтобы я не нашла то, что ищу. Потому что если я найду на него компромат, он пожалеет, что вообще вернулся из Лондона.

Отец посмотрел на меня долго, внимательно.

— Изменилась ты, Василиса. Железная стала.

— Жизнь заставила, пап. Ладно, отдыхай. Мне пора.

— Куда ты?

— В правление. Пойду поздороваюсь с новой властью.

На улицу я вышла при полном параде. Строгий серый костюм, который стоил как годовой бюджет нашей сельской библиотеки, белая рубашка, накрахмаленная до хруста, и темные очки, скрывающие не только круги под глазами, но и выражение глаз.

Волосы я собрала в тугой узел на затылке. Никаких вольностей.

Деревня встретила меня тишиной и запахом сырости. После ночного дождя дорога превратилась в месиво, но я шла, выбирая участки посуше, стараясь не думать о том, что убиваю обувь.

Сосновка умирала. Это было видно невооруженным глазом.

Десять лет назад здесь кипела жизнь. Трактора ездили, в клубе по вечерам гремела музыка, парк был подстрижен. Теперь...

Заборы покосились, краска облупилась. Дом культуры зиял выбитыми окнами, как череп пустыми глазницами. Парк

зарос бурьяном в человеческий рост. На лавочке у почты сидели два местных алкаша, провожая меня мутными взглядами.

— Эй, краля! — крикнул один, щербатый. — Дай на похмель!

Я даже не повернула голову. Прошла мимо, чеканя шаг.

— Ишь ты, гордая, — донеслось в спину. — Маркелова дочка, что ли? Глянь, расфуфырилась.

Злость начала закипать внутри медленно, как вода в чайнике. Это все — результат правления Кулагиных. Петр Ильич, может, и держал хозяйство, но последние годы явно больше воровал, чем вкладывал. А теперь еще и сынок приехал добивать.

Я дошла до центра. Здесь, у единственного работающего магазина «Продукты», была местная биржа новостей.

Мне нужна была вода. И информация.

Колокольчик над дверью звякнул, возвещая о моем приходе. Внутри пахло дешевой колбасой, стиральным порошком и сплетнями.

За прилавком, как монумент советской торговле, возвышалась тетя Люба. В синем фартуке, с начесом на голове и неизменной ярко-розовой помадой на губах.

Она пересчитывала мелочь, но, увидев меня, замерла. Рот ее приоткрылся.

— Батюшки... — протянула она. — Андревна! Ты ли это?

— Здравствуйте, тетя Люба, — я сняла очки. — Давно не виделись.

— Ой, ну надо же! — она всплеснула руками, и ее необъятная грудь колыхнулась. — Богатая какая стала! Прямо бабыня! А мы-то думали, ты нос не покажешь после того... ну, ты поняла. Позора-то сколько было. С пузом, да из дому...

Я почувствовала, как скулы сводит от напряжения. Вот оно. Деревенское гостеприимство. Они могут забыть, как их грабили, но никогда не забудут, кто с кем спал десять лет назад.

— Воду без газа, пожалуйста, — холодно перебила я. — Две бутылки. И шоколад. Горький.

Люба поджала губы, обидевшись, что ей не дали развить тему «позора», но товар на прилавок выложила.

— С тебя триста рублей. Карты не принимаем, терминал сломался.

Я достала наличные.

— А что, тетя Люба, терминал сломался или интернет в деревне кончился?

— Да какой интернет, — махнула она рукой. — Вышку-то обещали новую поставить, да деньги, говорят, украли. Петр Ильич все обещал-обещал... А теперь вон оно как. Закрыли

кормильца.

— Кормильца? — я усмехнулась. — Который у вас же эти деньги на вышку и украл?

— Ой, не скажи, Вася, — Люба понизила голос, переходя в режим «секретно». — Петр-то воровал, но меру знал. А вот сынок его... Максимка. Он вчера тут был. Заезжал.

Я замерла, убирая сдачу в кошелек.

— И что Максим?

— Брал виски. Ящик! Дорогой, зараза, пять тыщ бутылка. У меня такого отродясь не было, он специально заказывал. Веселый был, аж светился. Говорит: «Все, Любаша, скоро заживем по-новому. Снесут тут все бульдозеры, будет элитный поселок. А вы, — говорит, — в город поедете, в цивилизацию».

— В город? — переспросила я. — На что? На какие деньги люди поедут, если у них землю заберут?

— Вот и я говорю! — Люба аж перегнулась через прилавок. — А он смеется. Пьяный уже был, глаза шальные. «Отец, — говорит, — свое отжил. Старый стал, мягкий. А я, — говорит, — бизнес делать буду». Знаешь, Вася... люди шепчутся, что это он отца и сдал.

Я подняла на нее взгляд.

— Сдал?

— Ну да. Уж больно вовремя все. Только проверки нача-

лись, Максимка тут как тут. И бумаги какие-то ментам показывал, когда те приезжали. Свои же и сдали, Вася. Змеиное гнездо там у них.

Эта фраза — «Свои же и сдали» — ударила в сознание как молния.

Если Максим подставил отца, чтобы захватить власть и продать колхоз... значит, он еще хуже, чем я думала. Он не просто трус. Он чудовище.

— Спасибо за воду, тетя Люба, — сказала я, надевая очки. — И за информацию.

— Ты это... заходи, если что, — крикнула она мне вслед, уже явно придумывая, как расскажет следующему покупателю о встрече с «Андревной».

Я вышла из магазина. Солнце уже поднялось выше, припекая, но меня бил озноб.

Сдал отца. Это меняло все. Если я смогу это доказать...

Я посмотрела в сторону правления колхоза — двухэтажного кирпичного здания с флагом на крыше.

Перед крыльцом, нагло заняв два парковочных места, стоял черный «Гелендваген» Максима. Блестящий, агрессивный.

А рядом стояла еще одна машина. Тоже черная, тоже дорогая — представительский седан с московскими номерами

«777». Не местная.

Сердце екнуло. Кто это? Покупатели? Те самые инвесторы, которым Максим хочет продать землю моих родителей? Я поправила пиджак, проверила, ровно ли сидят очки.

Моя рука невольно потянулась к сумочке, где лежал диктофон. Профессиональная привычка.

Я сделала глубокий вдох, наполняя легкие воздухом, в котором смешались запахи пыли, бензина и надвигающейся грозы.

Ну здравствуй, первая любовь.

Ты думаешь, ты здесь король, потому что папа в тюрьме, а у тебя есть джип и ящик виски?

Ты ошибаешься.

Король умер. Да здравствует королева.

И сейчас я покажу тебе, как кусаются «нищие колхозницы», когда у них есть диплом юрфака и желание восстановить справедливость.

Я решительно зашагала к правлению, и стук моих каблук по асфальту звучал как отсчет времени до взрыва.

Глава 4

Здание правления колхоза «Заря» всегда казалось мне чем-то монументальным. В детстве я пробегала мимо него, замирая от священного трепета. Двухэтажная махина из красного кирпича, флаг на крыше, широкое крыльцо, на котором часто курил Петр Ильич, окидывая владения хозяйским взглядом. Здесь решались судьбы. Здесь выдавали зарплату и премии, здесь ругали за прогулы, здесь выписывали путевки в санаторий.

Сейчас, спустя десять лет, магия исчезла.

Я поднималась по ступеням, и каждый мой шаг отдавался глухим стуком каблучков по выщербленному бетону. Крыльцо не мели неделю. В углу валялись окурки и смятая пачка из-под дорогих сигарет — явно след нового хозяина.

Я толкнула тяжелую входную дверь. Она подалась с противным скрипом, словно жалуясь на жизнь.

Внутри пахло пылью, старой бумагой и дешевым растворимым кофе — тем самым, которым я давилась утром на кухне. Но к этому букету примешивался еще один запах. Запах тревоги.

В коридоре царил хаос.

Двери кабинетов были распахнуты настежь. Люди — бухгалтер, агрономы, секретарь — бегали туда-сюда с коробками в руках. Кто-то тащил папки, кто-то скручивал провода от компьютеров.

В дальнем конце коридора надрывно гудел шредер, пережевывая чью-то отчетность.

«Заматают следы», — профессионально отметила я.

Это была не плановая эвакуация. Это было бегство. Крысы бежали с корабля, прихватив с собой всю документацию, чтобы, когда придет внешний управляющий или прокурор, предъявлять было нечего.

Я шла сквозь этот муравейник, как ледокол. Люди расступались, провожая меня удивленными взглядами. Мой серый костюм и прямая спина здесь выглядели так же неуместно, как скафандр космонавта на сельской дискотеке.

— Девушка! — раздался визгливый голос справа. — Вы к кому? Посторонним нельзя!

Из приемной выскочила девица лет двадцати. Короткая юбка, боевой раскрас, накладные ресницы, которыми можно создавать ветер. Видимо, новая секретарша. Старая, Нина Ивановна, которая знала всех жителей по имени-отчеству, такой вульгарности себе не позволяла.

Девушка преградила мне путь, пытаясь изобразить шлагбаум.

— У нас обед! И вообще, Максим Петрович занят, у него важное совещание с инвесторами!

Я остановилась. Медленно сняла темные очки и посмотрела на нее поверх стекол. В суде этот взгляд обычно заставлял свидетелей заикаться.

— Я не записывалась, — спокойно произнесла я. — И обед у вас, милочка, закончится ровно тогда, когда я скажу.

— Да вы кто такая?! — взвизгнула она, но шаг назад сделала.

— У меня VIP-пропуск, — я улыбнулась одними уголками губ. — Моя фамилия Маркелова. И если ты сейчас не исчезнешь с дороги, я добавлю твое имя в список соучастников по делу о хищении архивных документов.

Слово «хищение» подействовало магически. Девушка побледнела под слоем тонального крема и вжалась в стену, пропуская меня к заветной двери с табличкой «Председатель».

На стене рядом с дверью зияло светлое пятно. Прямоугольник обоев, который был ярче остальных. Раньше там висел портрет Петра Кулагина. Теперь его сняли.

Король свергнут. Да здравствует узурпатор.

Я не стала стучать. Просто нажала на ручку и толкнула дверь, входя в святая святых.

Кабинет председателя мало изменился. Все те же дубовые панели на стенах, длинный стол для совещаний буквой «Т», ковер, помнящий еще брежневские времена. Но поверх этого советского ампира наслоились атрибуты новой жизни.

На массивном столе стоял последний «Макбук», рядом валялся айфон последней модели и ключи от «Гелендвагена». Пепельница из горного хрусталя была полна окурков.

За столом, развалившись в хозяйском кресле, сидел Максим.

Он выглядел... дорого. Итальянский костюм сидел безупречно, белая рубашка оттеняла загар (солярий или Мальдивы?), на запястье поблескивали швейцарские часы, стоимость которых равнялась годовому бюджету всей Сосновки.

Но если присмотреться, лоск спадал. Глаза у Максима были красными, под ними залегли тени. Руки слегка подрагивали, когда он крутил в пальцах золотую ручку.

Он был похож на игрока, который поставил на кон все, выиграл, но теперь боится, что казино закроется до того, как он обналичит фишки.

Напротив него, в кресле для посетителей, сидел мужчина. Я видела только его широкую спину, обтянутую темным пиджаком, и коротко стриженный затылок. Он сидел неподвижно, расслабленно, словно хищник в засаде.

— ...поэтому цену мы снижать не будем, — громко вещал Максим, но, увидев меня, осекся. — Какого черта?! Лена! Я же сказал никого не пускать!

Он вскочил, опираясь ладонями о столешницу. В его взгляде мелькнуло раздражение, смешанное с мутным похмельем. Он меня не узнал. Для него я была просто какой-то наглой бабой в очках, ворвавшейся в кабинет.

— Лена занята, — я закрыла за собой дверь, отсекая шум коридора. — Она переосмысливает свои карьерные перспективы. А вам, Максим Петрович, я бы посоветовала не орать. Голова заболит.

Максим прищурился. Он пробежался взглядом по моей фигуре, задержался на ногах, скользнул выше. В его глазах не было узнавания, только оценка. Сальная, липкая оценка товара.

— Ты кто такая? — процедил он. — Из банка? Или журнала? Слушай, детка, если ты насчет интервью, то прайс у меня высокий. А если ты из тех, кто услуги предлагает... — он криво усмехнулся, глядя на мужчину в кресле, ища поддержки. — То ты опоздала. У нас тут деловой разговор. Хотя, прикид ничего такой. Строгий. Люблю учительниц.

Кровь прилила к лицу, но я сдержалась.

Вот оно. Его истинное лицо. Не романтичный юноша, цитировавший Есенина под луной. А пошлый, зажавшийся циник, который видит в женщине только функцию.

Я медленно сняла очки, сложила дужки и убрала их в нагрудный карман пиджака. Затем подняла глаза и посмотрела ему прямо в зрачки.

— Здравствуй, Максим. Давно не виделись.

Тишина в кабинете стала ватной.

Максим замер. Он вглядывался в мое лицо, словно пытаюсь собрать пазл из разрозненных кусочков. Я видела, как в его мозгу шестеренки скрипят, проворачивая пласты памяти десятилетней давности.

Васька. Дочка тракториста. Косички, ситцевое платье, влюбленные глаза.

И я. Василиса Маркелова. Адвокат. «Акула».

— Васька? — выдохнул он. Голос его дрогнул, дав петуха.
— Маркелова?

Удивление на его лице сменилось неверием, а затем — той самой наглой ухмылкой, которой он, видимо, защищался от всего мира.

— Ну ни хрена себе... — он плюхнулся обратно в крес-

ло, картинно разводя руками. — Явилась не запылилась. А я смотрю, лицо знакомое. Только тюнинг хороший. Губы свои или качала? А шмотки откуда? В эскорт подалась в Москве? Слышал, там деревенские девки в цене, если отмыть и приодеть.

Оскорбление повисло в воздухе, тяжелое и грязное.

Мужчина в кресле посетителя медленно повернул голову. Я мельком увидела его профиль — жесткий, волевой, с легкой щетиной. Он не улыбался. Он наблюдал.

Я не дала Максиму насладиться эффектом своих слов. Я подошла к столу вплотную, положила ладони на полированную поверхность и нависла над ним.

— Оставь свои влажные фантазии при себе, Максим. Я здесь не для того, чтобы обсуждать мою внешность или твой моральный облик. Хотя он, безусловно, заслуживает отдельной статьи в медицинском справочнике.

— А зачем же? — он откинулся на спинку, пытаюсь вернуть контроль над ситуацией. — Ностальгия замучила? Или денег пришла просить? Так у твоего папаши их нет. И земли у него больше нет. Я тут теперь хозяин.

— Я пришла забрать документы, — мой голос стал стальным. — Оригиналы договоров аренды земельных паев Маркелова Андрея Ивановича и Маркеловой Елены Петровны. Немедленно.

Максим рассмеялся. Громко, неестественно.

— Документы? Детка, ты в своем уме? Твои родители — никто. Земля переходит в уставной капитал общества, а общество банкротится. Все по закону. Твой папаша сам все подписал. А если они прощелкали сроки продления аренды — это их проблемы. У нас тут капитализм, а не богадельня.

Он схватил со стола пачку сигарет, вытряхнул одну, закурил, выпустив струю дыма мне в лицо.

— Так что вали отсюда, Вася. Вали в свою Москву, к своим папикам. И радуйся, что я полицию не вызвал за незаконное проникновение.

Я не отшатнулась от дыма. Я даже не моргнула.

— Полицию? — переспросила я, и на моих губах появилась улыбка, от которой прокуроры обычно просят перерыв. — Отличная идея, Максим. Давай вызовем. У меня как раз есть заявление готовое.

Я начала говорить, и мой голос заполнил кабинет, чеканя каждое слово, как монету.

— Статья 610 Гражданского кодекса РФ. Если срок аренды не определен, договор считается заключенным на неопределенный срок. Односторонний отказ возможен только при уведомлении за три месяца. Мои родители уведомлений не

получали.

Максим фыркнул, но сигарета в его руке замерла.

— Далее, — продолжила я, повышая градус. — Статья 159 Уголовного кодекса РФ. Мошенничество, совершенное организованной группой либо в особо крупном размере. Лишение свободы на срок до десяти лет.

— Ты меня пугаешь? — скривился он, но в глазах мелькнул страх.

— Я тебя информирую, — отрезала я. — Я видела документы, Максим. Я знаю про фирмы-однодневки, на которые выводились деньги колхоза последние полгода. Я знаю про поддельные подписи твоего отца на платежках, пока он лежал в больнице в апреле. Экспертиза почерка докажет это за два дня.

Лицо Максима пошло красными пятнами.

— Ты... ты блефуешь. Откуда ты...

— А еще, — я наклонилась ближе, понизив голос до шепота, — вся деревня слышала, как ты вчера в магазине хватался, что «сдал отца». Твои слова при свидетелях — это не просто пьяный треп. Это явка с повинной, Максим. Ты утопил собственного отца, чтобы прикрыть свою задницу. И ты думаешь, я позволю тебе отобрать у моих родителей единственное, что у них осталось, чтобы покрыть твои карточные

долги?

Он молчал. Сигарета дотлела до фильтра, обжигая пальцы, но он этого не замечал. Его напускная бравада рассыпалась, как карточный домик. Передо мной сидел не хозяин жизни, а напуганный мальчишка, которого поймали с поличным.

— Я тебя уничтожу, — прошипел он наконец, но это прозвучало жалко. — Ты никто. У меня адвокаты...

— У тебя нет адвокатов, — перебила я. — Те, кто был, разбегутся, как только узнают, что делом занялась я. Моя фамилия Маркелова. Загугли на досуге, сколько дел я проиграла за последние пять лет. Спойлер: ноль.

В этот момент стул посетителя скрипнул.

Мужчина, который все это время молчал, медленно поднялся.

Он был высоким. На голову выше Максима. Широкие плечи, идеально сидящий темно-серый костюм, никакого галстука, верхняя пуговица рубашки расстегнута.

Его лицо было спокойным, почти каменным, но в серых глазах плясали искры интереса.

— Bravo, — произнес он. Голос у него был низкий, глубокий, с легкой хрипотцой.

Он обошел стол и встал между мной и Максимом, словно

рефери на ринге.

— Максим Петрович, — обратился он к хозяину кабинета, не глядя на него. — Вы не предупреждали, что у вас есть такие... компетентные оппоненты. Вы говорили, что имеете дело с неграмотными пенсионерами.

Максим вжался в кресло.

— Сергей Владимирович, это... это просто бывшая. Она истеричка. Не слушайте ее. Мы все решим. Земля чистая, я гарантирую.

Мужчина — Сергей Владимирович — проигнорировал его лепет. Он повернулся ко мне и протянул руку. Ладонь у него была широкая, сухая, сильная.

— Сергей Трифонов. Частный инвестор. Представитель агрохолдинга «Вектор». Я так понимаю, вы представляете интересы дольщиков?

Я посмотрела на его руку.

Инвестор. Тот самый, чья машина стояла у крыльца. Тот, кто собирался купить руины колхоза у Максима.

Для меня он был врагом. Соучастником. Рейдером, который приехал делить шкуру еще не убитого медведя.

Я не подала руки. Я лишь чуть вздернула подбородок, гля-

дя ему в глаза.

— Я не представляю интересы, — холодно ответила я. — Я представляю закон. И я не советую вам, господин Трифонов, заключать сделки с этим человеком.

— Почему же? — он чуть склонил голову, и в уголках его глаз собрались морщинки. Он не обиделся на мой демарш с рукопожатием. Наоборот, он выглядел... заинтригованным.

— Потому что объект сделки — краденый, — отчеканила я. — А продавец — мошенник, который через неделю будет давать показания следователю. Если вы подпишете договор сейчас, вы купите не землю под гольф-клуб, а уголовное дело по статье о скупке имущества, добытого преступным путем. Вам нужна такая репутация?

Сергей усмехнулся.

— Вы очень убедительны. И очень... категоричны.

— Я профессионал. В отличие от вашего партнера.

Я перевела взгляд на Максима. Он сидел бледный, потный, переводя взгляд с меня на Сергея. Он понимал, что прямо сейчас у него из-под носа уплывают миллионы, на которые он рассчитывал.

— Документы, Максим, — напомнила я. — У тебя сутки. Если завтра оригиналов не будет у моих родителей, я подаю заявление в прокуратуру о препятствии осуществлению

правосудия и сокрытии улики. Время пошло.

Я развернулась на каблуках, чувствуя спиной два взгляда. Один — полный ненависти и страха. И второй — оценивающий, внимательный, тяжелый.

Я вышла из кабинета и с силой хлопнула дверью. Грохот разнесся по коридору, заставив секретаршу Лену подпрыгнуть на стуле.

Ручка на столе Максима, наверное, покатилась по полировке.

Выйдя на крыльцо, я вдохнула полной грудью. Руки немного дрожали — адреналин выходил.

Первый раунд остался за мной. Я напугала Максима.

Но теперь в игре появилась новая фигура. Сергей Трифонов. И что-то мне подсказывало, что с ним справиться будет гораздо сложнее, чем с пьяным мажором. У этого инвестора был слишком умный взгляд. И слишком спокойная сила, от которой у меня — у «железной леди» — почему-то пробежал холодок по спине.

— Ничего, — прошептала я себе под нос, надевая очки и спускаясь к своей машине. — И не таких ломали.

Начиналась война. И я только что сделала первый выстрел.

Глава 5(Сергей)

(от лица Сергея)

Я сидел в кресле для посетителей и с трудом сдерживал зевоту. Передо мной, размахивая руками, как мельница во время урагана, распиался Максим Кулагин.

— ...и вот здесь, Сергей Владимирович, мы поставим клубный дом. Эко-стиль, панорамные окна, вид на реку. Москвичи будут драться за эти участки! Земля тут золотая, а мы ее берем за копейки. Старики-то местные тупые, им пообещай переселение в райцентр, они и рады будут.

Я кивал, делая вид, что слушаю, а сам изучал своего «партнера».

Максим Петрович Кулагин. Тридцать лет. Сын уважаемого (в прошлом) председателя. Выглядел он как типичный столичный мажор, который дорвался до папиного кошелька, но забыл код от сейфа. Итальянский костюм сидел на нем отлично, но вот руки... Руки у него тряслись. Мелкая, противная дрожь, которую он пытался скрыть, крутя в пальцах дорогую ручку.

Алкоголь? Наркотики? Или просто страх?

Моя служба безопасности уже доложила мне, что у млад-

шего Кулагина долгов в Москве столько, что хватит купить небольшую африканскую страну. Он влез в ипотеку, в казино, в какие-то мутные стартапы. И теперь пытался продать мне колхоз отца, чтобы закрыть свои дыры.

Мне было противно.

Я вырос в такой же деревне под Рязанью. Я знал цену земле. Знал, сколько пота и крови впитано в эти черноземы. Мой агрохолдинг «Вектор» занимался сельским хозяйством, а не строительством коттеджей для богатых бездельников. Я приехал сюда, чтобы выкупить долги «Зари», модернизировать технику и сохранить рабочие места. Но Максиму я об этом не говорил. Пусть думает, что я такой же циничный акула-капиталист, как и он. Так проще вести переговоры.

— Цена, Максим Петрович, — прервал я его поток фантазий. — Вы просите пятьдесят миллионов. Аудит показывает, что активы стоят максимум тридцать. Техника убитая, коровники требуют капремонта.

— Да какая техника! — отмахнулся он, наливая себе воды из графина. Стакан звякнул о стекло. — Я же говорю: поднос все! Земля — вот актив. Пятьдесят — это подарок.

В этот момент дверь кабинета распахнулась.

Без стука. Без предупреждения.

Я слегка повернул голову, ожидая увидеть секретаршу с

кофе или очередного перепуганного бухгалтера.

Но вошла она.

Женщина.

Нет, не так. Вошла Стихия.

Высокая, стройная, в безупречном сером брючном костюме, который стоил дороже, чем вся мебель в этом кабинете. Волосы собраны в строгий узел, открывая тонкую шею. Темные очки скрывали глаза, но даже сквозь них чувствовалась сила взгляда.

Она двигалась хищно, уверенно. Как клинок, который вынули из ножен.

Секретарша Леночка что-то пищала сзади про совещание, но незнакомка отшила ее одной фразой. Спокойно, холодно, без крика. Просто размазала.

Я невольно выпрямился в кресле. Стало интересно.

Максим вскочил, пытаясь изобразить хозяина положения. Получилось жалко.

— Ты кто такая?! — заорал он.

Я наблюдал. Обычно в таких ситуациях женщины начинают либо истерить, либо оправдываться. Эта — молчала. Она сняла очки, и я увидел ее глаза.

Умные. Холодные. Цвета стали.

Она смотрела на Максима не как на мужчину, и даже не как на врага. Она смотрела на него как на грязное пятно на скатерти, которое нужно застирать.

— Здравствуй, Максим, — произнесла она.

Голос у нее был низкий, грудной. Красивый. Таким голосом нужно читать приговоры. Или сказки на ночь.

Сцена узнавания была достойна «Оскара». Максим сначала хамил, потом побледнел, потом попытался унижить ее, назвав эскортницей.

Я поморщился. Низко. Мужчина, который оскорбляет женщину, — не мужчина.

— Василиса Маркелова, — представилась она.

Маркелова. Фамилия мне ни о чем не говорила, но то, как она это произнесла, звучало весомее, чем «Кулагин».

Дальше началось избиение младенца.

Она разносила его по фактам. Статьи Гражданского кодекса, Уголовного кодекса, сроки аренды, поддельные подписи. Она знала все. Она подготовилась.

Я слушал и мысленно аплодировал.

Юрист. Профессионал.

И, судя по реакции Максима, она была в точку. Он потел, бледнел, пытался огрызаться, но выглядел как школьник, пойманный с сигаретой директором.

— ...я знаю про поддельные подписи твоего отца...

— ...твои слова при свидетелях — это явка с повинной...
Вот это поворот.

Значит, сынок не просто продает наследство. Он подставил отца. Сдал его органам, чтобы получить доверенность на управление.

Гниль.

Я почувствовал прилив брезгливости. Я мог вести дела с дураками, с жадинами, даже с бандитами. Но с предателями, которые топят собственных родителей ради денег, — увольте.

Когда она пригрозила ему прокуратурой, Максим сдуслся окончательно.

Пора было вмешаться. Мне нужно было познакомиться с

этой валькирией.

Я встал. Медленно, чтобы не спугнуть момент.

— Браво, — сказал я, выходя из тени.

Она повернулась ко мне.

Вблизи она была еще красивее. Никакого силикона, никаких «утиных губ», которыми так гордился Максим. Живая, естественная красота, но закрытая на сто замков.

Я протянул руку.

— Сергей Трифонов. Инвестор.

Она посмотрела на мою ладонь. Секунду, две. И не подала своей.

В ее взгляде читалось презрение. Для нее я был таким же, как Максим. Рейдером. Стервятником, прилетевшим клевать мертвый колхоз.

Это задело. Честно. Я привык, что женщины смотрят на меня с интересом, оценивая костюм, часы, статус. А эта смотрела как на соучастника преступления.

— Я не представляю интересы, — отрезала она. — Я представляю закон.

Ох, как она это сказала!

Гордая. Неприступная.

— Вы очень убедительны, — признал я, опуская руку.

— Я профессионал, — парировала она.

И ушла. Хлопнув дверью так, что в кабинете звякнули стекла.

Я остался стоять посреди кабинета, чувствуя странное послекусие. Смесь восхищения и... досады.

Мне захотелось догнать ее. Объяснить, что я не такой. Что я здесь, чтобы спасти этот чертов колхоз, а не уничтожить его. Что я на ее стороне.

Но я сдержался. Сейчас не время. Она не поверит.
Я медленно повернулся к Максиму.

Он сидел в кресле, обхватив голову руками. Вид у него был жалкий.

— Сергей Владимирович, — забормотал он, поднимая на меня мутный взгляд. — Не слушайте ее. Это бывшая моя. Деревенская дурочка. Она истеричка, мстит мне, что я ее бросил десять лет назад. Мы все решим. Сделка в силе.

Я подошел к столу и посмотрел на него сверху вниз.

— Сделка? — переспросил я тихо. — Максим Петрович, вы меня за идиота держите?

Он дернулся, как от удара.

— Нет, что вы...

— Эта женщина, — я кивнул на дверь, — назвала конкретные статьи и факты. Просроченные договоры аренды. Поддельные подписи. Экспертиза почерка. Вы понимаете, что если хоть половина из этого правда, то любой договор купли-продажи, который мы подпишем, будет признан ничтожным? А я потеряю деньги и репутацию.

— Да врет она все! — взвизгнул Максим. — Нет никаких подделок! Отец сам все подписал!

— А в больнице он тоже сам подписывал? Левой ногой? Максим замолчал, кусая губы.

Я взял со стола свой телефон.

— Сделку ставим на паузу, — сухо произнес я. — До выяснения обстоятельств. Мои юристы проверяют каждый документ в этом здании. Каждую запятую. И если я найду хоть один подложный акт...

Я наклонился к нему, опираясь руками о стол.

— ...то я лично передам материалы той самой даме. Василисе Маркеловой. Думаю, она найдет им применение в прокуратуре.

Лицо Максима стало серым.

— Вы не можете... Мы же договорились...

— Мы договаривались о покупке бизнеса, а не о соучастии в мошенничестве. И еще, Максим...

Я посмотрел ему в глаза, не скрывая отвращения.

— Если выяснится, что вы действительно подставили отца... Разговор будет совсем другим. Я не люблю крыс.

Я забрал свой портфель и вышел из кабинета, не прощаясь.

В коридоре было тихо. Сотрудники, которые еще пять минут назад бегали с коробками, теперь попрятались по норам, почуяв, что ветер переменился.

Леночка-секретарша сидела за столом, уткнувшись в телефон, и даже не подняла головы.

Я вышел на крыльцо.

Воздух был свежим, пахло дождем и мокрой пылью.

Черный BMW Василисы уже отъезжал от правления, поднимая брызги из луж. Я проводил взглядом ее машину.

Она была права. Здесь все прогнило.

Но уезжать я не собирался. Наоборот. Теперь у меня появился спортивный интерес.

Не только спасти колхоз, но и доказать этой «железной леди», что не все мужчины — предатели и трусы.

Я достал телефон и набрал номер начальника своей службы безопасности.

— Привет, Глеб. Есть задача. Срочная.

— Слушаю, шеф, — отозвался бодрый голос в трубке.

— Пробей мне одну особу. Маркелова Василиса. Юрист, Москва. Скорее всего, работает в крупной фирме, судя по хватке. Мне нужно знать о ней все. Где работает, какие дела вела, семейное положение.

— Понял. Что-то еще?

— Да. Подними информацию по старым договорам аренды в колхозе «Заря». И найди мне график дежурств врачей в местной больнице за апрель. Хочу знать, кто имел доступ к Петру Кулагину, когда он там лежал.

— Будет сделано.

Я сбросил вызов и усмехнулся, глядя на пустую дорогу.

— Ну что, Василиса Прекрасная, — прошептал я. — Посмотрим, чей бумеранг летит быстрее.

Я спустился к своей машине. Водитель, заметив меня, тут же выскочил открыть дверь.

— Куда, Сергей Владимирович? В гостиницу?

— Нет, — я сел на заднее сиденье. — В райцентр. В банк. Хочу посмотреть на движения по счетам этого колхоза за последний год. Сдается мне, там будет много интересного.

Машина плавно тронулась. Я откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Перед внутренним взором все еще стояло ее лицо. Гордое, красивое, гневное.

Она не пожала мне руку.

Ничего. Это пока.

В следующий раз, Василиса, ты сама мне ее протянешь.
Я умею ждать.

Глава 6

Я сидела в машине на парковке у правления, вцепившись в руль так, что кожаная оплетка скрипела под пальцами. Сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь гулкими ударами в висках.

Адреналин. Чертов адреналин, который всегда накрывал меня после сложных переговоров, сейчас был вдвойне сильнее.

Я посмотрела в зеркало заднего вида. Здание правления стояло незыблемо, красным кирпичным монстром, равнодушным к моим эмоциям. Там, за толстыми стенами, остался Максим. Мой бывший. Мой враг. Человек, который только что пытался смешать меня с грязью, но сам оказался по уши в дерьме.

Но думала я не о нем.

Перед глазами стоял образ мужчины в сером костюме. Сергей Трифонов.

Инвестор.

Его взгляд, внимательный и оценивающий, все еще жег

мне спину. Он не был похож на тех рейдеров, с которыми я сталкивалась в Москве. Те обычно были суетливыми, жадными, с бегающими глазами. Трифонов был другим. Спокойным. Опасным.

Как удав, который смотрит на кролика и решает: съесть сейчас или поиграть?

Я тряхнула головой, прогоняя наваждение. Не время думать о мужиках, даже если они носят костюмы от Brioni и смотрят на тебя так, будто видят насквозь. У меня есть проблемы посерьезнее.

Телефон на пассажирском сиденье завибрировал, разрывая тишину салона.

На экране высветилось имя: «Володя СК».

Мой старый знакомый, однокурсник, который теперь работал следователем в областном управлении. Я позвонила ему еще утром, по дороге в деревню, с просьбой пробить информацию по делу Петра Кулагина.

— Да, Володь, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Привет, Вася. Ну, что сказать... — голос Володи был усталым, фоном слышался стук клавиш. — Дело тухлое. Твоего председателя взяли крепко. Статья 160, часть 4. Рас-

траты в особо крупном. Доказательная база есть: платежи, переводы на левые фирмы. Все подписано им лично.

— А защита? Кто адвокат?

— Назначенный, — хмыкнул Володя. — Какой-то Иванов. Молодой парень, вчерашний студент. Он там чисто для мебели. Я слышал, он уже уговаривает старика признать вину и пойти на особый порядок. Типа, дадут условку, учитывая возраст и здоровье.

Я похолодела.

— Особый порядок? Володя, ты понимаешь, что это значит?

— Конечно. Признание вины — царица доказательств. Суд пройдет быстро, без исследования улик.

— И без возможности оспорить гражданские иски, — закончила я за него. — Если Кулагин признает, что воровал, то все сделки, совершенные колхозом за этот период, можно будет признать недействительными. А на имущество наложат арест.

— Именно, — подтвердил следователь. — Колхоз банкротят, активы продают с молотка, чтобы покрыть ущерб. Обычная схема. А тебе-то что? Ты же говорила, у тебя там родители? Им-то какая разница?

— Большая разница, Володь. Огромная. Если колхоз при-

знают банкротом из-за хищений председателя, то земельные паи моих родителей пойдут в конкурсную массу. Их просто отберут. Или продадут за копейки тому же инвестору, который сейчас крутится вокруг сына Кулагина.

Володя помолчал.

— Хреново. Слушай, Вась, я тут покопал еще немного... Неофициально. Там странная история с этими платежками. Половина из них датирована апрелем.

— И что?

— А то, что в апреле твой Петр Кулагин лежал в областной кардиологии с микроинсультом. Он ложку-то с трудом держал, не то что документы подписывать.

Я ударила ладонью по рулю.

— Я так и знала! Максим. Это Максим подписывал.

— Доказать сложно, — вздохнул Володя. — Экспертиза нужна. А назначенный адвокат ходатайствовать о ней не будет. Ему велено сидеть тихо и кивать.

— Спасибо, Володя. Ты настоящий друг. С меня коньяк.

— Лучше поужинаем, когда в Москве будешь. Удачи, Вася. Не лезь на рожон.

Я сбросила вызов и откинулась на подголовник.

Картинка сложилась. Мерзкая, грязная картинка.

Максим, пользуясь болезнью отца, выводил деньги на свои счета (или на покрытие долгов). Подделывал подписи. А когда запахло жареным, сдал отца с потрохами, надеясь, что старик возьмет все на себя ради «любимого сыночка». А сам Максим тем временем продаст землю инвестору и свалит в закат.

Идеальный план. Если бы не одно «но».

Если бы в уравнение не вмешалась я.

Я завела мотор. Мозг работал четко, как калькулятор, отсекая эмоции.

Чтобы спасти родителей, я должна разрушить план Максима.

Чтобы разрушить план Максима, я должна доказать, что подписи поддельные.

Чтобы доказать это, нужно назначить почерковедческую экспертизу.

Сделать это может только адвокат обвиняемого.

Назначенный Иванов этого делать не будет.

Вывод был парадоксальным, абсурдным, тошнотворным.

Чтобы спасти свою семью, я должна спасти своего врага.

Я должна стать адвокатом Петра Кулагина. Человека, который десять лет назад уничтожил мою жизнь.

Я рассмеялась. Горько, зло.

Ирония судьбы 80-го уровня. Бумеранг, который я так хотела запустить в Кулагиных, теперь должен описать дугу и вернуться ко мне в руки, чтобы я могла защитить того, кого мечтала наказать.

— Ну что ж, Петр Ильич, — прошептала я, выруливая с парковки. — Готовьтесь. Ваша «нищенка» идет вас спасать. И это будет стоить вам очень дорого. Не денег. Гордости.

Дорога до родительского дома заняла пять минут, но мне они показались вечностью. Я репетировала речь. Как объяснить маме, что я собираюсь защищать человека, которого мы все ненавидим?

Дом встретил меня тишиной и запахом куриного бульона. Мама стояла у плиты, помешивая варево. Она выглядела уставшей, плечи опущены, платок сбился набок.

Отец, судя по звукам, смотрел телевизор в спальне.

— Вернулась? — мама обернулась, вытирая руки о перед-

ник. — Ну как? Видела его?

Я села на табурет, сняла туфли. Ноги гудели.

— Видела, мам. И Максима, и... инвестора.

— И что? — в глазах матери застыл страх. — Что они сказали? Заберут землю?

— Пытаются, — честно ответила я. — Максим хочет продать все быстро. Он уверен, что отца посадят, и никто не будет разбираться в деталях.

Мама охнула, прижав руку ко рту.

— Господи... Петр-то, конечно, виноват, но чтобы родной сын...

— Мам, сядь, — я похлопала по соседнему табурету. — Мне нужно тебе кое-что сказать. Ты сейчас будешь ругаться, возможно, плакать. Но ты должна меня выслушать до конца.

Мама села, напряженная, как струна.

— Что случилось, Вася? Ты меня пугаешь.

Я набрала в грудь воздуха.

— Я беру дело Кулагина. Я буду его адвокатом.

Тишина в кухне стала звенящей. Было слышно, как тикают ходики и как булькает суп в кастрюле.

Мама смотрела на меня так, будто у меня выросла вторая голова.

— Что? — прошептала она. — Адвокатом? Петра? Того самого, который тебя грязью поливал? Который внука своего знать не хочет? Вася, ты в своем уме?

— Мам, послушай...

— Нет, это ты послушай! — она вскочила, и в ее голосе зазвенели слезы. — У тебя гордость есть? Он же тебя растоптал! Он же нас растоптал! А ты... ты его защищать собралась? Спасать? Да пусть он сгниет в тюрьме! Пусть они все там сгниют!

— Мам! — я повысила голос, перекрывая ее истерику. — Сядь и включи голову! Это не про прощение! Это про выживание!

Она замерла, глядя на меня со страхом. Я никогда не кричала на мать.

— Если Петра посадят, — начала я медленно, чеканя каждое слово, — то его признают виновным в хищении денег колхоза. Колхоз объявят банкротом. Имущество арестуют. Землю — наши паи, мам! — заберут в счет долгов. Мы останемся на улице. Ты этого хочешь?

Мама молчала, теребя край передника. Губы ее дрожали.

— Есть только один способ спасти паи, — продолжила я мягче. — Доказать, что деньги воровал не Петр, а Максим.

Что подписи поддельные. Если я это докажу, то сделки, которые Максим сейчас пытается провернуть, будут незаконными. Инвестор не купит землю с таким «прицепом». Колхоз останется, а вор — настоящий вор, Максим — сядет.

— То есть... — мама подняла на меня мокрые глаза. — Ты хочешь посадить Максима?

— Я хочу посадить виновного. И так уж вышло, что для этого мне нужно вытащить Петра. Это шахматы, мам. Иногда, чтобы выиграть партию, нужно защитить фигуру, которая тебе противна.

— Васька права.

Мы обе вздрогнули. В дверях кухни стоял отец. Он держался за косяк, лицо было бледным, но взгляд — твердым.

— Андрей! Тебе лежать надо! — кинулась к нему мама.

— Отлежался уже, — отмахнулся он, ковыляя к столу. — Слышал я все. Дочка дело говорит. Бей врага его же оружием. Максимка нас не пожалел. И мы его жалеть не должны.

Он тяжело опустился на стул и посмотрел на меня с гордостью.

— Только осторожно, дочка. Змеиное там гнездо. Укусят — не заметишь.

— Я сама змея, пап, — усмехнулась я. — Столичная. У меня яда больше.

Получив благословение родителей (пусть и вымученное), я поднялась в свою комнату. Здесь, среди старых плюшевых медведей и школьных грамот, я устроила временный штаб.

Достала ноутбук, открыла базу адвокатской палаты.

Иванов Алексей Сергеевич. Стаж 1 год. Назначенный защитник.

Я набрала номер, который нашла в реестре.

— Алло? — голос в трубке был молодым и неуверенным.

— Алексей Сергеевич? Это Василиса Маркелова, адвокатское бюро «Маркелова и партнеры», Москва.

Пауза. Я слышала, как он судорожно вспоминает, кто я такая. Видимо, вспомнил, потому что тон резко изменился на подобострастный.

— О! Василиса Андреевна! Наслышан, наслышан! Честь для меня... Чем могу?

— Вы ведете дело Кулагина Петра Ильича по назначению?

— Э-э... да. Веду. То есть, пытаюсь. Там сложный случай, клиент несговорчивый, доказательства железные...

— Я вступаю в дело, — перебила я его лепет. — Ордер

уже оформлен и отправлен в следственный комитет. Завтра утром я буду в СИЗО. Мне нужно, чтобы вы подготовили передачу материалов и написали заявление о выходе из дела по соглашению с новым защитником.

— Вы... вы берете Кулагина? — он был в шоке. — Но... зачем? Там же глухо. Особый порядок — единственное, что ему светит.

— Алексей, — мой голос стал ледяным. — Я не спрашивала вашего мнения о перспективах дела. Я дала инструкцию. Сделайте все чисто, и, возможно, я замолвлю за вас словечко в палате. Вам ведь нужна хорошая репутация, а не клеймо адвоката, который сдает клиентов?

— Да-да, конечно! Все сделаю! Завтра в девять я буду у следователя!

Я положила трубку. С пешкой разобрались. Теперь предстояла встреча с королем. Свергнутым, сломленным, но все еще гордым королем.

Петр Кулагин.

Завтрашний день обещал быть веселым.

Вечер опустился на Сосновку синим бархатным покрывалом. Дождь кончился, и воздух был напоен ароматом мокрой травы и сирени.

Я вышла на крыльцо, кутаясь в плед. В доме было душно

от эмоций, мне нужен был воздух.

Я смотрела на звезды. В Москве таких не увидишь. Там небо рыжее от фонарей, а здесь — черная бездна, рассыпанная алмазами. Большая Медведица висела прямо над крышей соседского сарая.

Кирилл бы оценил. Он любил космос.

Кирилл.

Мысль о сыне кольнула сердце. Как он там? Скучает?

Максим был сегодня так близко. Сидел в двух метрах от меня. И ни один мускул на его лице не дрогнул при воспоминании о том, что десять лет назад я была беременна. Ему было плевать. Он даже не спросил: «А что с ребенком? Ты сделала аборт?»

Для него той истории просто не существовало. Он стер ее, как неудачный файл.

И слава богу. Пусть не знает. Пусть думает, что я послушная дурочка, которая выполнила приказ его папаши. Это мой козырь. Моя самая страшная тайна.

Вдруг тишину улицы нарушил шуршащий звук шин по гравию.

Я напряглась.

Мимо нашего дома медленно проехала машина. Черная. Представительский седан. В свете уличного фонаря я успела разглядеть номера.

«777».

Сергей Трифонов.

Он не остановился. Машина плавно скользнула дальше, растворяясь в темноте переулка. Но я кожей почувствовала взгляд из-за тонированного стекла.

Он следит за мной? Или просто изучает «владения», которые собирается купить?

Этот инвестор не выходил у меня из головы. Его слова про «паузу в сделке». Его спокойная уверенность.

Он не похож на врага. Но в моем мире доверять нельзя никому. Особенно мужчинам в дорогих костюмах, которые слишком красиво говорят.

Я плотнее закуталась в плед.

Завтра. Все решится завтра.

Я войдет в клетку к тигру. И либо я его приручу, либо он откусит мне руку.

Но, зная Петра Кулагина, скорее всего, он попытается плюнуть мне в лицо.

Что ж. Я утрюсь. И сделаю свою работу.

Ради папы. Ради мамы. И ради того бумеранга, который уже летит обратно, набирая скорость.

Глава 7

СИЗО — это место, где даже воздух пахнет безнадежностью. Смесью хлорки, дешевого табака, несвежей еды и человеческого пота. Этот запах пропитывает одежду, волосы, мысли. Я знала его наизусть. За годы практики мне приходилось бывать в разных «казенных домах» — от элитных спецблоков до провинциальных изоляторов, где штукатурка сыпалась на голову.

СИЗО нашего райцентра относилось ко второй категории.

Здание 19 века постройки, красные кирпичные стены, увенчанные колючей проволокой, мрачные решетки на окнах. Оно стояло на окраине города, словно зачумленный барак, который старались обходить стороной.

Я прошла через первый КПП. Молодой прапорщик долго вертел в руках мое адвокатское удостоверение, сверяя фотографию с оригиналом. Видимо, не мог поверить, что эта холеная столичная дама в дорогом пальто — действительно защитник, а не жена какого-нибудь авторитета.

— Телефон, ключи, диктофон, — буркнул он, пододвигая металлический лоток.

Я молча выложила содержимое сумки.

— Проходите.

Тяжелая железная дверь лязгнула за спиной, отсекая меня от внешнего мира. Теперь я была внутри системы. Здесь действовали свои законы, и главным из них был закон силы.

Меня провели по длинному коридору, выкрашенному в тошнотворный зеленый цвет. Под ногами гулко стучал бетон. Где-то вдалеке лаяла собака.

Следственный кабинет номер четыре.

Маленькая комната без окон. Стол, привинченный к полу, два стула, лампа под потолком, забранная решеткой. Стандартный набор для душевных бесед.

Я села на стул, положила перед собой папку с документами и ордер, который мне передал перепуганный Иванов.

Ждать пришлось недолго.

Минут через пять в коридоре слышались шаркающие шаги и звон ключей.

Дверь открылась.

— Заходи, Кулагин. Руки за спину.

В комнату вошел Петр Ильич.

Если бы я встретила его на улице, я бы не узнала.

Десять лет назад это был монумент. Человек-гора. Широкие плечи, властный взгляд, голос, от которого дрожали стекла в правлении. Он носил дорогие костюмы, пах коньяком и силой. Он был хозяином жизни.

Сейчас передо мной стоял старик.

Ссутулившийся, посеревший, в казенной робе, которая висела на нем мешком. Лицо осунулось, под глазами залегли черные круги, щеки покрыла седая щетина. Руки, которые он держал за спиной, мелко тряслись.

Единственное, что осталось прежним — это взгляд. Колочий, злой, затравленный.

Конвоир снял с него наручники и кивнул мне:

— У вас двадцать минут.

Дверь закрылась. Мы остались одни.

Петр Ильич потер запястья, поморщился и поднял глаза. Он ожидал увидеть своего назначенного адвоката, того мальчика для битья, Иванова.

Но увидел меня.

Он замер. Его глаза расширились, рот приоткрылся. Он

несколько секунд смотрел на меня, не мигая, словно пытаюсь понять: галлюцинация это или реальность.

— Ты? — хрипло выдохнул он. Голос был сорванным, каркающим. — Маркелова?

Я спокойно кивнула, не вставая.

— Здравствуйте, Петр Ильич. Присаживайтесь.

Он не сел. Он выпрямился, насколько позволяла больная спина, и в его глазах вспыхнул тот самый огонь, который я помнила. Огонь презрения.

— Что ты здесь делаешь? — прошипел он. — Пришла полюбоваться? Поплясать на костях? Пришла посмотреть, как «хозяина» в клетку посадили? Ну давай, смейся! Радуйся! Твоя взяла, нищенка!

Слова вылетали из него с брызгами слюны. Он ненавидел меня. Ненавидел за то, что я видела его слабость. За то, что я выжила и поднялась, а он упал на самое дно.

Я смотрела на него без эмоций. Жалости не было. Была только профессиональная собранность.

— Сядьте, — повторила я жестче. — У нас мало времени, а обсудить нужно многое.

— Мне нечего с тобой обсуждать! — рявкнул он. — Пошла вон! Где мой адвокат? Где этот... Иванов?

— Иванов больше не ваш адвокат, — я постучала пальцем по ордеру. — Теперь ваши интересы представляю я.

Кулагин покачнулся, схватившись рукой за край стола.

— Ты? Ты — мой адвокат? — он рассмеялся, но смех перешел в кашель. Сухой, надрывный кашель курильщика. — Ты издеваешься? Ты же меня ненавидишь! Ты же спишь и видишь, как я сгнию здесь!

— Верно, — согласилась я. — Я вас не люблю. И, честно говоря, с удовольствием посмотрела бы, как вы отвечаете за свои грехи. Но есть одна проблема.

Я сделала паузу, давая ему отдышаться. Он все-таки сел на стул, тяжело дыша.

— Какая проблема? — буркнул он, глядя исподлобья.

— Проблема в том, что если вас посадят за хищения, то колхоз обанкротят. Активы продадут с молотка, чтобы покрыть ущерб. В том числе земельные паи. Паи моих родителей, Петр Ильич. И еще сотни таких же стариков, которых вы обещали защищать.

Он фыркнул.

— Никто ничего не продаст. Максим разберется. Он умный парень. Он найдет деньги, погасит долги. Я возьму вину на себя, получу условку по состоянию здоровья, а он про-

должит дело.

Я смотрела на него и не верила своим ушам.

Господи, какая слепота. Какая наивная, глупая отцовская слепота. Он действительно верил в своего сына. Верил в того трусливого, жадного мальчика, которого вырастил.

— Максим? — переспросила я с усмешкой. — Максим разберется? Вы серьезно?

— Не смей трогать моего сына! — Кулагин ударил кулаком по столу. — Он хороший парень! Он просто запутался немного, но он меня не бросит!

— Он вас уже бросил, Петр Ильич.

Мои слова упали в тишину камеры, как камни в колодезь. Глухо. Тяжело.

Кулагин замер.

— Что ты несешь?

— Вчера я была в правлении, — начала я, глядя ему прямо в глаза. — Максим пытался продать колхоз инвестору. Московскому агрохолдингу. Он готов слить все: землю, технику, людей. За пятьдесят миллионов. Чтобы закрыть свои личные долги в столице.

— Врешь... — прошептал старик. Лицо его побелело. — Он не мог... Это земля дедов...

— Мог. И это еще не все.

Я наклонилась вперед.

— Вчера в магазине, покупая ящик дорогого виски, ваш сын хвастался перед продавщицей и местными алкашами. Знаете, что он сказал? Он сказал: «Отец свое отжил. Я сдал его, чтобы самому рулить. Пусть старик сидит, а я буду делать бизнес».

— Нет! — крик Кулагина был похож на вой раненого зверя. — Это ложь! Ты все придумала! Ты хочешь нас поссорить! Ты мстишь!

— Я юрист, Петр Ильич. Я оперирую фактами. Факт номер один: Максим принес следователю документы, подтверждающие вашу вину. Те самые платежки, подписанные вашей рукой. Факт номер два: половина этих платежей датирована апрелем.

Я сделала паузу.

— Где вы были в апреле, Петр Ильич?

Он молчал. Губы его дрожали.

— В больнице, — ответила я за него. — В кардиологии. С микроинсультом. Вы ложку держать не могли. Как вы могли подписывать финансовые документы на миллионы рублей?

Старик сжался в комок. Он знал ответ. Он знал его лучше меня.

— Кто имел доступ к вашей печати и вашему сейфу, пока вы лежали под капельницей? — безжалостно продолжала я. — Кто навещал вас? Кто приносил «фрукты»?

Слеза. Одна, скупая мужская слеза скатилась по его небритой щеке и затерялась в щетине.

Он знал. Конечно, он знал. Где-то в глубине души он догадывался, что сын ворует. Но признать, что сын его подставил? Что сын отправил его в тюрьму, чтобы прикрыть свою задницу? Это было выше его сил. Это было крушением мира.

— Он... он сказал, что это временно, — прошептал Кулагин. Голос его сломался. — Сказал, что нужны деньги на развитие. Что подпишет за меня, никто не заметит. Я думал... я думал, он дело делает.

— Он делал дело, — кивнула я. — Выводил активы на фирмы-однодневки. А теперь повесил все на вас.

— Зачем? — он поднял на меня глаза, полные детской обиды. — Зачем он так? Я же все для него... В МГИМО устроил, машину купил, квартиру в Москве... Я же ради него жил!

— Вот именно поэтому, — жестко сказала я. — Потому что вы его избаловали. Вы вырастили паразита, Петр Ильич. Вы научили его брать, но не научили отдавать. И теперь он

сожрал вас.

Кулагин закрыл лицо руками. Его плечи тряслись. Великий председатель плакал передо мной, как ребенок.

Мне не было его жаль. Правда. Я видела в нем не несчастного отца, а человека, который сам создал своего монстра. Но мне нужно было его вытащить. Ради своих родителей.

— Хватит, — сказала я. — Слезами делу не поможешь. У вас есть выбор.

Он отнял руки от лица.

— Какой выбор? У меня ничего нет. Сын предал. Жизнь кончена.

— Не драматизируйте. Выбор простой. Первый вариант: вы продолжаете играть в благородного отца, берете вину на себя, садитесь на десять лет. Максим продает колхоз, проматывает деньги за год и заканчивает жизнь под забором или в долговой яме. А мои родители, и еще сотня людей, остаются нищими.

— А второй? — спросил он глухо.

— Второй вариант: вы нанимаете меня. Мы заявляем ходатайство о почерковедческой экспертизе. Мы доказываем, что подписи в апреле были подделаны. Мы переквалифицируем дело. И настоящий виновник — Максим — садится на скамью подсудимых. А вы выходите на свободу. Колхоз оста-

ется цел, сделка срывается.

Кулагин молчал долго. Он смотрел на ордер, лежащий перед ним на столе.

Борьба в его глазах была страшной. Предать сына, чтобы спастись? Или спасти сына, уничтожив себя и дело всей жизни?

— Почему ты? — спросил он наконец. — Почему ты хочешь мне помочь? Ты же сказала, что ненавидишь меня.

— Я ненавижу вас, — подтвердила я. — Но я люблю своих родителей. И я профессионал. Я не дам развалить дело, в котором замешаны интересы моей семьи.

— Ты стала... страшной, Василиса, — проговорил он с какой-то странной интонацией. То ли страх, то ли уважение. — Железной.

— Вы сами меня такой сделали. Десять лет назад. Когда выкинули за ворота с конвертом денег. Кстати, деньги я тогда не взяла. Если помните.

Он кивнул.

— Помню. Ты швырнула их мне в лицо. Гордая была. Дура.

— Дура выжила. И вернулась. Так что, Петр Ильич? Подписываем? Или вы хотите сгнить здесь ради сына, который

уже выбирает цвет «Бентли» на ваши деньги?

Кулагин тяжело вздохнул. Он взял ручку. Его пальцы дрожали, но он сжал их в кулак, успокаивая тремор.

— Если я это подпишу... — он посмотрел на меня исподлобья. — Я посажу собственного сына.

— Он сам себя посадил. Когда решил, что умнее всех. Петр Ильич скрипнул зубами. Он размашисто, почти рвя бумагу, поставил подпись на соглашении.

— Делай, что нужно, — бросил он, отодвигая лист. — Но запомни, Маркелова. Я тебе не друг. И спасибо не скажу.

— А мне не нужно ваше спасибо. Мне нужен результат. Я забрала бумагу, спрятала ее в папку. Встала.

— Завтра я подам ходатайство. Готовьтесь к допросам. И больше никакой самостоятельности. Теперь вы играете по моим правилам.

Я постучала в дверь. Конвоир открыл мгновенно.

— На выход.

Уходя, я оглянулась. Петр Кулагин сидел за столом, сгорбившись, глядя в одну точку. Он выглядел как человек, который только что собственноручно подписал смертный при-

говор. Не себе. Своей душе.

На улице светило солнце, но мне было холодно.

Я сделала это. Я заключила сделку с дьяволом.

Теперь назад дороги нет. Я должна уничтожить Максима.
Отца моего ребенка.

И самое страшное — я этого хотела.

Глава 8

Моя комната в родительском доме превратилась в филиал следственного комитета. На старом письменном столе, исцарапанном циркулем еще в мои школьные годы, виселись горы бумаг. Копии договоров, выписки со счетов, акты выполненных работ — все то, что мне передал перепуганный адвокат Иванов, обрадованный возможностью спихнуть «дохлое дело» столичной акуле.

За окном была глубокая ночь. Сосновка спала. Даже неугомонные деревенские собаки, лаявшие на каждый шорох, наконец утомились. Только сверчки стрекотали в траве, да где-то далеко, на трассе, шумели фуры.

Я потеряла уставшие глаза. Кофе в чашке давно остыл и покрылся неприятной пленкой, но идти на кухню греть чайник не хотелось. Я боялась потерять нить.

Бухгалтерия — это как музыка. Если ты умеешь читать ноты, ты услышишь мелодию. В случае с колхозом «Заря» мелодия была фальшивой, какофоничной и откровенно воровской.

— Ну что, Петр Ильич, — прошептала я, глядя на экран ноутбука, где был открыт файл с движением средств по расчетному счету. — Давайте посмотрим, куда утекли ваши

миллионы.

Хаос. Первое слово, которое приходило на ум при взгляде на документы.

Бухгалтер «Зари», Нина Семеновна, женщина старой закалки, вела дела по принципу «пишем два, три в уме». Но даже она не могла скрыть то, что происходило в последние полгода.

Я выделила цветом несколько строк в таблице.

ООО «СтройМастер». ООО «АгроТех-2024». ООО «Вектор-М».

Названия звучали солидно. Почти как настоящие компании. Но дьявол крылся в деталях.

Я открыла базу данных контрагентов — мой верный помощник во всех корпоративных войнах.

— Так, проверим вас, господа бизнесмены, — пальцы быстро застучали по клавиатуре.

«СтройМастер». Зарегистрировано в Москве по адресу массовой регистрации. Уставной капитал — десять тысяч рублей. Директор — некий Пупкин Иван Иванович.

Я пробила директора. Двадцатилетний студент из общежития, на котором висит еще пятьдесят таких же «рога и ко-

пыта».

«АгроТех-2024». Та же история. Учредитель — гражданин без определенного места жительства.

«Вектор-М». А вот это интересно. Название явно микрировало под известный агрохолдинг «Вектор», который представлял Сергей Трифонов. Расчет на то, что в суматохе никто не заметит разницу? Умно. Но примитивно.

Все эти фирмы-пустышки получали от колхоза деньги за мифические услуги: «консультирование по вопросам ландшафтного дизайна», «поставка элитных семян» (в апреле, когда посевная уже закончилась!), «ремонт техники».

Суммы были впечатляющими. Миллион. Три миллиона. Пять.

Всего за полгода со счетов «Зари» исчезло около сорока миллионов рублей.

И самое интересное — даты.

Я сверила даты переводов с медицинскими документами, которые затребовала в больнице через мамину знакомую медсестру.

10 апреля. Перевод на два миллиона. В этот день у Петра

Кулагина был гипертонический криз, он лежал под капельницей.

15 апреля. Перевод на три миллиона. Петр Ильич все еще в стационаре, состояние стабильно тяжелое.

20 апреля. Пять миллионов ушли на счета «Вектор-М». Кулагина выписали только 25-го.

— Бинго, — выдохнула я, откидываясь на спинку жесткого стула.

Алиби железное. Человек, который не может самостоятельно дойти до туалета, вряд ли способен управлять интернет-банкингом и подписывать платежи.

Значит, кто-то делал это за него. Кто-то, у кого был доступ к токену, паролям и печати.

Я открыла сканы платежных поручений. На каждом из них стояла размашистая подпись: Кулагин.

С первого взгляда — идеально. Тот же наклон, тот же ро-счерк в конце.

Но я не зря столько лет варилась в судах. Я знала, куда смотреть.

Я порылась в ящике стола и нашла старую грамоту за победу в школьной олимпиаде по литературе. «Награждается

Маркелова Василиса...». Внизу подпись: Председатель колхоза П.И. Кулагин.

Десятилетней давности, но рука та же.

Я положила грамоту рядом с экраном ноутбука. Увеличила скан апрельской платежки.

— Ну-ка...

Разница была едва уловимой, но она была.

У настоящего Петра Ильича буква «К» начиналась с мягкого закругления. Здесь же штрих был острым, резким, словно человек торопился или злился.

И нажим. На скане было видно, что ручка вдавливалась в бумагу с силой. Кулагин писал легко, размашисто. А этот «автор» словно выцарапывал буквы.

И еще одна деталь. Дрожь.

В конце подписи, на длинном хвостике, линия шла неровно. Не старческая дрожь, нет. Это была дрожь неуверенности. Дрожь человека, который копирует чужой автограф, стараясь попасть в линии, и боится ошибиться.

— Привет, Максимка, — я криво усмехнулась. — Вот ты и попался. Художник из тебя так себе.

Я взяла телефон. Час ночи. В Москве это детский время, но звонить людям все равно неприлично.

Впрочем, когда речь идет о спасении семьи, приличия отходят на второй план.

Я набрала номер Миши Резника, лучшего почерковеда, которого я знала. Миша был гением, совой и трудоголиком.

— Маркелова? — раздался в трубке сонный, но бодрый голос. — Ты чего не спишь? Опять мир спасаешь?

— Спасаю, Миш. И мне нужна твоя помощь. Я тебе на почту скинула два файла. Скан старой грамоты и скан платежки. Глянь одним глазом. Это одна рука?

— Сейчас, секунду... — послышалось шуршание, звук клавиш. — Так, открываю. Ага... Угу...

Пауза затянулась. Я слышала только его дыхание и клики мышки.

— Вась, ты меня обижаешь, — наконец произнес он. — Тут даже микроскоп не нужен. Это грубая работа. Угол наклона другой. Динамика штриха другая. Тот, кто подписывал платежку, явно моложе и энергичнее, но рука у него «не набита». Он рисовал подпись, а не писал ее автоматически. Однозначно подделка.

— Спасибо, Миша. Ты лучший. Сможешь сделать офици-

альное заключение по сканам?

— Для суда оригинал нужен, сама знаешь. Но предварительную справку напишу. К утру будет у тебя.

— С меня ужин в «Пушкине».

— Ловлю на слове. Спокойной ночи, Вася.

Я положила телефон на стол.

Есть. У меня есть доказательства.

Завтра я подам ходатайство о назначении судебной почерковедческой экспертизы. И когда эксперт подтвердит выводы Миши, дело против Петра Кулагина рассыплется, как карточный домик. А вот дело против Максима Кулагина начнет набирать обороты.

Я представила лицо Максима, когда его вызовут на допрос. Его наглую ухмылку, которая сползет, сменившись страхом.

Бумеранг летел быстро. Быстрее, чем я ожидала.

Вдруг тишину ночи нарушил стук.

Тихий, деликатный, но отчетливый стук в окно моей комнаты.

Я вздрогнула. Комната была на первом этаже, окна выходили в палисадник и на улицу. Занавески были задернуты, но щель оставалась.

Кто это может быть? Максим? Пришел с угрозами? Или пьяный сосед перепутал дома?

Я подошла к окну, стараясь не шуметь. Сердце колотилось. В деревне ночью гости редко приходят с добрыми намерениями.

Я чуть отодвинула край шторы.

У калитки, в свете уличного фонаря, стояла машина. Черная. Блестящая даже под слоем дорожной пыли.

Номера «777».

Сергей Трифонов.

Он не вышел из машины. Двигатель работал тихо, фары были погашены, горели только габариты, похожие на злые красные глаза в темноте.

Он просто стоял там. Напротив моего дома. В час ночи.

Что он здесь делает? Следит за мной? Или приехал поговорить без свидетелей?

Я замерла, не зная, что делать. Выйти к нему? Опасно. И глупо. Я в пижаме, без макияжа, уставшая. И вообще, с какой стати я должна бежать к нему по первому зову?

Телефон в руке пискнул. СМС.

Незнакомый номер.

«Свет горит. Работаете, Василиса Андреевна? Если нужна помощь с аудитом — я на связи. Мои юристы нашли много интересного в архивах. P.S. Кофе вредно пить на ночь. Сергей».

Я уставилась на экран.

Откуда у него мой номер?

Ах да. У него свои люди. Служба безопасности. Пробить телефон адвоката — дело пяти минут.

Но сообщение... Оно было не угрожающим. Скорее... насмешливым? Заигрывающим? Или он предлагал союз?

«Мои юристы нашли много интересного».

Значит, он не сидел сложа руки. Он тоже копал. И, судя по всему, накопал то же самое, что и я.

Максим пытался обмануть не только отца, но и его. Продать «Вектору» пустышку с долгами.

Сергей это понял. И теперь он стоит у моего дома. Зачем? Чтобы предложить объединить усилия? Враг моего врага — мой друг?

Я посмотрела на машину. Тонированное стекло водительской двери медленно опустилось.

Я увидела его профиль. Сигарета в руке (он курит?). Огонек тлел в темноте. Он смотрел прямо на мое окно. Он знал, что я смотрю.

Я заколебалась.

Гордость кричала: «Задерни шторы и иди спать! Он рейдер!».

Любопытство шептало: «Узнай, что он нашел. Это может помочь в суде».

А женское чутье... Женское чутье молчало, затаив дыхание. Потому что этот мужчина был опасен. Опасен не для моей жизни, а для моего спокойствия.

Я быстро набрала ответ:

«Спите, Сергей Владимирович. Завтра тяжелый день. А аудит я провела сама. Спокойной ночи».

Нажала «Отправить».

Я увидела, как в машине загорелся экран телефона. Он прочитал.

Секунда. Другая.

Огонек сигареты описал дугу и упал на асфальт. Стекло поднялось.

Машина плавно тронулась с места и бесшумно растворилась в ночи, оставив после себя лишь легкий запах дорогого табака и ощущение недосказанности.

Я выдохнула, прислонившись лбом к холодному стеклу.

Он уехал.

Но что-то мне подсказывало, что это был не последний его визит.

Сергей Трифонов вступил в игру. И теперь на доске, кроме черных и белых фигур, появилась третья сила. Сила, с которой мне придется считаться.

Я вернулась к столу. Документы все так же лежали немymi свидетелями преступления.

Завтра.

Завтра я нанесу удар. И пусть Максим готовится. Его красивая жизнь заканчивается.

А Сергей... С Сергеем мы еще разберемся. Позже. Когда я буду уверена, что он не держит нож за спиной.

Глава 9(Максим)

(от лица Максима)

Голова гудела так, словно внутри черепной коробки кто-то устроил ремонт и долбил перфоратором прямо по мозжечку. Я с трудом разлепил глаза. Комната плыла. Солнечный луч, пробивавшийся сквозь щель в плотных шторах, резал глаза, как лазер.

Я застонал и потянулся к тумбочке за водой. Стакана не было. Зато был телефон.

Экран горел красным от уведомлений.

Пять пропущенных от «Армена». Три сообщения в Ватсапе от него же. И еще одно — от банка, напоминающее о просрочке по кредитке.

— Сука... — прохрипел я, откидываясь на подушки.

Вчерашний день всплыл в памяти урывками, как кадры из плохого кино.

Вот я сижу в кабинете отца, чувствуя себя королем мира. Передо мной сидит этот лохотный инвестор, Трифонов, и мы почти ударили по рукам. Пятьдесят миллионов. Этих денег хватило бы, чтобы закрыть долги перед Арменом, выкупить закладную на квартиру в Сити и еще осталось бы на месяц

тусовки в Дубае.

А потом пришла она.

Васька.

Маркелова.

Деревенская замарашка, которую я вышвырнул из своей жизни десять лет назад, как старый кроссовок.

Я скрипнул зубами. Кто бы мог подумать, что эта серая мышь превратится в такую стерву? Костюмчик за пару штук баксов, взгляд как у прокурора, и наглость... Господи, сколько наглости.

«Я тебя посажу, Максим».

«Я знаю про подписи».

Меня передернуло. Откуда она знает? Кто слил?

Я же все делал чисто. Пока батя валялся в больничке, я аккуратно выводил бабки через фирмы однокурсников. Никто не должен был заметить. Бухгалтерша, Нина Семеновна, тупая как пробка, она только штампы ставила.

А тут явилась эта «мисс Марпл» и все испортила. Трифонов сорвался с крючка. Сделка на паузе. А часики тикают.

Телефон в руке снова завибрировал.

Армен.

Я сглотнул вязкую слюну. Не ответить нельзя. Армен — это не банк, он коллекторов не присылает. Он присылает ребят с паяльниками.

— Да, Арменчик! — я постарался придать голосу бодрости, хотя внутри все сжалось. — Как дела, дорогой?

— Дела у прокурора, Максимка, — голос в трубке был тихим, вкрадчивым, с легким акцентом. — А у нас с тобой бизнес. Где мои бабки? Ты обещал вчера закрыть вопрос.

— Все под контролем! — соврал я, садясь на кровати. — Покупатель есть, серьезный дядька, москвич. Агрохолдинг «Вектор». Слышал про таких?

— Слышал. И что?

— Мы почти подписали. Просто заминка с документами, бюрократия, сам понимаешь. Юристы копаются. Через неделю, максимум дней десять, деньги будут у тебя. С процентами, как договаривались.

В трубке повисла тишина. Я слышал, как Армен затягивается сигаретой.

— Неделя, Максим, — наконец произнес он. — Ровно семь дней. Если в следующую пятницу денег не будет... Я приеду. Лично. И мы будем разговаривать по-другому. Твой

папа, говорят, в тюрьме? Ему там может стать очень неудобно. Да и тебе здоровье еще пригодится. Ты меня понял?

— Понял, Арменчик, понял! Все будет!

Связь оборвалась.

Я швырнул телефон на одеяло. Руки тряслись так, что я не мог попасть ногой в тапочек.

Семь дней.

За семь дней мне нужно продать этот чертов колхоз, получить кэш и свалить. А Васька... эта тварь встала у меня на пути. Она копает. Она хочет доказать, что подписи поддельные. Если она это сделает, сделка накроется окончательно. И тогда меня не просто посадят. Меня закопают в лесу кредиторы.

Я встал и поплелся в душ. Холодная вода немного привела меня в чувство, но страх никуда не делся. Он сидел в животе ледяным комом.

Мне нужно было действовать.

Если я не могу продать колхоз официально, через Трифонова, придется продавать по кускам. Технику, зерно, скот. За нал. Быстро. Пока никто не чухнулся.

Я оделся и спустился на кухню.

Мать сидела за столом, пила кофе из крошечной чашечки. Она выглядела безупречно, как всегда: укладка, макияж, халат с перьями. Марина Петровна Кулагина, первая леди Сосновки. Она даже не подозревала, что ее «империя» — это картонный домик, который уже горит с четырех углов.

— Доброе утро, сынок, — она улыбнулась мне, но улыбка была натянутой. — Ты поздно вчера пришел. Опять дела?

— Дела, мам, — буркнул я, наливая себе апельсиновый сок. — Бизнес не ждет.

— Ты был у отца? — спросила она осторожно. — Адвокат звонил, этот, Иванов. Говорит, странные вещи происходят. Какая-то женщина в дело лезет. Говорит, хочет взять защиту на себя.

Я поперхнулся соком.

— Женщина?

— Да. Маркелова. Дочка Андрея-тракториста. Помнишь их?

Я грохнул стаканом об стол.

— Помню ли я?! Мам, это Васька! Моя бывшая! Та самая, которую отец выгнал!

Мать нахмурилась, вспоминая.

— А, эта... С косичками? Которая пузом тебя припереть хотела? И что ей надо? Денег?

— Хуже, мам. Она мстит.

Я подошел к ней, сел на корточки, взял за руки. Мне нужно было сделать ее своим союзником. Натравить на Ваську, чтобы та не могла шагу ступить в деревне без плевков в спину.

— Мама, послушай меня внимательно. Эта Маркелова — она не просто адвокат. Она монстр. Она приехала из Москвы, чтобы уничтожить нашу семью. Она хочет посадить отца. Надолго. И меня хочет подставить.

— Как подставить? — ахнула мать.

— Она всем рассказывает, что это я воровал деньги колхоза, а отец меня покрывал. Представляешь? Наговаривает на родного сына! Хочет стравить нас с отцом. Хочет, чтобы мы все потеряли, а она, нищевродка, радовалась.

Лицо матери исказилось от гнева.

— Ах она дрянь! Да как она смеет?! Мы ее семью кормили годами! Отца ее на тракторе держал из жалости!

— Вот именно! — поддакнул я. — Мам, ты должна мне помочь. Ты авторитет в деревне. Люди тебя слушают. Сходи в магазин, на почту. Расскажи всем, кто она такая. Что она шлюха столичная, что она приехала отца добить, чтобы наследство отжать или просто из зависти. Пусть люди знают

правду. Пусть ей жизни здесь не дадут.

Мать встала, расправляя плечи. В ее глазах горел фанатичный огонь. Она любила меня до безумия. Ради меня она была готова перегрызть глотку кому угодно. И она верила каждому моему слову.

Святая женщина. Идеальная дура.

— Я ей устрою, — прошипела она. — Я этой Маркеловой покажу, кто в Сосновке хозяйка. Она у меня из дома выйти побоится.

— Спасибо, мамуль. Ты у меня лучшая.

Я поцеловал ее в щеку и быстро вышел из кухни, пока она не начала задавать вопросы про деньги и кредиторов.

Мне нужно было в кабинет отца. Там, в сейфе, лежали документы на технику. ПТС на трактора, комбайны.

Если продать их перекупам за полцены, можно поднять миллионов десять-пятнадцать. Этого хватит, чтобы заткнуть Армена на время или купить билет в один конец.

Я вошел в кабинет, запер дверь на замок.

Подошел к сейфу, замаскированному под книжный шкаф. Код я знал давно — дата моего рождения. Отец был сентиментальным идиотом.

Сейф открылся с тихим щелчком.

Пусто.

В смысле, денег там не было — я их выгреб еще неделю назад. Но папки с документами лежали на месте. И еще...

В глубине, на бархатной полке, лежала шкатулка с маминими драгоценностями (семейный запас на черный день) и отцовский наградной пистолет. Травмат, переделанный под боевой (старик любил похвастаться перед друзьями).

Я достал пистолет. Тяжелый, холодный. Проверил обойму. Полная.

Положил его на стол. Пусть будет под рукой. Времена нынче беспокойные.

Затем я сгреб папки с ПТС.

Открыл ноутбук, зашел на Авито и профильные форумы скупщиков сельхозтехники.

«Продам John Deere, 2019 год, срочно, за нал, без документов (или с кривыми)».

Объявления полетели в сеть.

Теперь оставалось ждать звонков.

И молиться, чтобы Васька не успела наложить арест на имущество.

Вдруг телефон снова зазвонил.

Не Армен. Незнакомый номер.

— Алло? — рявкнул я.

— Максим Петрович? — голос в трубке был сухим, официальным. — Это помощник Сергея Владимировича Трифонова.

Я напрягся.

— Да. Что вы решили? Сделка в силе?

— Сергей Владимирович просил передать, что аудит продолжается. Наши юристы нашли ряд... несостыковок в апрельских платежах. Мы запрашиваем оригиналы первичной документации. И еще... Мы знаем про вашу встречу с адвокатом Маркеловой.

— И что? — я почувствовал, как по спине потек холодный пот.

— И то, что Сергей Владимирович очень не любит, когда его пытаются обмануть. Если выяснится, что подписи поддельные, мы не просто выйдем из сделки. Мы передадим материалы в прокуратуру. Всего доброго.

Гудки.

Я медленно опустил руку с телефоном.

Сука.

Они спелись. Васька и этот Трифонов. Они копают под меня с двух сторон.

Если Трифонов передаст материалы прокурору, мне конец. Это не просто долги. Это статья. Мошенничество в особо крупном. До десяти лет.

Я в ярости швырнул телефон в стену. Он ударился об дорожку венецианскую штукатурку и разлетелся на куски.

— Твари! — заорал я, пиная кресло. — Ненавижу!
Я метался по кабинету, как загнанный зверь.

Что делать? Что, мать вашу, делать?!

Бежать? Прямо сейчас?

Но без денег я далеко не уйду. Армен найдет меня и в Дубае, и в Антарктиде.

Мне нужны деньги. Срочно.

Взгляд упал на шкатулку с драгоценностями.

Там было мамино кольцо с бриллиантами, кольца, серьги. Миллиона на два-три потянет, если сдать в ломбард.

Я сгреб шкатулку, высыпал содержимое в карман пиджака.

Прости, мам. Тебе они уже не понадобятся, а мне жизнь спасут.

И еще...

Я посмотрел на пистолет.

Василиса.

Эта сука — корень всех моих проблем. Если бы не она, я бы уже продал колхоз Трифонову. Если бы не она, отец сидел бы тихо и брал вину на себя.

Она мутит воду. Она пугает инвестора. Она копает под меня.

Надо ее остановить.

Заткнуть. Напугать так, чтобы она забыла дорогу в Сосновку.

Или...

Я взял пистолет, взвесил его в руке.

Нет. Убивать — это край. Это мокруха. За это точно посадят.

Но припугнуть можно. Проколоть шины, разбить окно, пустить слух... Или сделать так, чтобы с ней случился «несчастный случай».

В деревне всякое бывает. Темно, дороги плохие...

Я сунул ствол за пояс, прикрыв его пиджаком.

Сначала — мать. Пусть она устроит Ваське публичную порку. Пусть настроит деревню против нее.

А потом я решу, что делать дальше.

Я вышел из кабинета, чувствуя, как холодная сталь пистолета холодит кожу через рубашку.

Это успокаивало.

Я еще не проиграл.

Я — Кулагин. Я здесь хозяин. И я не позволю какой-то юбке разрушить мою жизнь.

Семь дней, Арменчик.

За семь дней я переверну этот мир, но деньги достану. А Васька... Васька пожалеет, что родилась на свет.

Глава 10

Утро началось с суматохи. Я бегала по дому, собирая документы в папку, и параллельно говорила по телефону с Мишей, моим экспертом-почерковедом.

— Да, оригинал нужен срочно. Я понимаю, Миш. Сегодня подам ходатайство, судья запросит банк. Главное, чтобы ты был готов.

Я захлопнула ноутбук, сунула его в сумку и выбежала в прихожую.

— Мам, я уехала! Буду к обеду!

Мама стояла у зеркала, повязывая платок. На ней было ее «выходное» пальто — серое, драповое, купленное еще лет пять назад, но аккуратно вычищенное.

— А я в магазин схожу, — сказала она, поправляя узел на шее. — Хлеб кончился, да и соли надо взять.

Я замерла, уже взявшись за ручку двери.

— Мам, может, не надо? Я на обратном пути заеду, все куплю. Зачем тебе туда идти?

— Зачем? — мама повернулась ко мне, и в ее глазах я увидела неожиданную твердость. — А затем, Вася, что я не воровка и не преступница, чтобы по углам прятаться. Я всю жизнь в этой деревне прожила. И если кто-то думает, что мы Кулагиных испугались, то пусть думает. А я за хлебом пойду.

Я вздохнула. Спорить с Еленой Петровной Маркеловой, когда она что-то решила, было бесполезно. Это у нас семейное. Упрямство, передающееся половым путем, как шутил папа.

— Ладно. Только обещай, что не будешь с ними связываться. Если кто-то косо посмотрит — просто проходи мимо.

— Да кому я нужна, — отмахнулась она. — Иди, опоздаешь.

Я села в машину и выехала со двора.

До райцентра было двадцать километров. Дорога петляла среди полей, которые когда-то были гордостью колхоза «Заря». Теперь они стояли неухоженные, заросшие бурьяном. Чернозем, способный кормить половину области, пропадал зря.

«Ничего, — подумала я, сжимая руль. — Мы это исправим. Вернем землю тем, кто умеет на ней работать».

В суде все прошло гладко. Секретарша, увидев мой сто-

личный ордер и удостоверение, забежала быстрее, чем таракан на кухне при включенном свете. Ходатайство приняли, дату заседания назначили через два дня.

Я вышла из здания суда с чувством выполненного долга. Первый этап плана сработал.

Теперь нужно было заехать в прокуратуру и оставить заявление о проверке деятельности фирм-однодневок.

Я уже садилась в машину, когда взгляд упал на заднее сиденье.

Папка.

Синяя папка с оригиналами договоров аренды родителей. Я забыла ее дома.

Черт!

Она нужна была мне для прокуратуры, чтобы подтвердить статус потерпевших.

Придется возвращаться.

Я развернула машину и нажала на газ. Двадцать километров обратно. Потеря времени. Но, может, оно и к лучшему? Заодно перехвачу маму из магазина, чтобы она не тащила

сумки.

Когда я въехала в Сосновку, было около одиннадцати утра. Солнце уже припекало, разгоняя вчерашние лужи.

Я свернула к центру, к магазину «Продукты».

И сразу поняла: что-то не так.

У крыльца собралась толпа. Человек пятнадцать — для нашей деревни это почти митинг. Женщины в халатах и куртках, пара мужиков с пивом, даже дети на велосипедах остановились.

Все они смотрели на крыльцо.

А там, возвышаясь над толпой, как памятник самодурству, стояла Марина Кулагина.

Мать Максима была в своей стихии. Несмотря на плюсовую температуру, она надела норковую шубу нараспашку, под которой сверкало золотом какое-то безвкусное платье. На пальцах перстни, на шее цепь.

Она стояла, уперев руки в бока, и орала.

А перед ней, сжавшись в комок, стояла моя мама. С авоськой, в которой сиротливо лежал батон хлеба.

Я не слышала слов из-за закрытых окон машины, но ви-

дела лицо мамы. Она плакала.

Я вдавила педаль тормоза так, что «BMW» клюнул носом, подняв фонтан брызг.

Выскочила из машины, даже не заглушив мотор. Дверью хлопнула так, что вороны взлетели с проводов.

Звук хлопка заставил толпу обернуться. Люди расступились, образуя коридор.

Я шла по нему, чувствуя, как внутри закипает ледяная ярость.

Теперь я слышала каждое слово.

— ...голодранцы неблагодарные! — визжала Марина, брызгая слюной. — Мы вас с помойки вытащили! Мой муж твоему алкашу работу дал, когда его нигде не брали! А вы змею вырастили! Дочка твоя — шалава столичная! Приехала сюда, чтобы моего мужа в гроб загнать! Наследство ей подавай!

Мама пыталась что-то сказать, но ее голос тонул в визге Кулагиной.

— Сама нагуляла десять лет назад, опозорилась, а теперь мстит честным людям! Думает, если в Москве перед мужиками ноги раздвигала, то теперь барыней стала? Да я ее...

— Марина Петровна! — мой голос прорезал воздух, как хлыст.

Кулагина поперхнулась на полуслове. Она повернула голову и увидела меня.

Я стояла в трех метрах. В своем сером костюме, на шпильках, которые делали меня выше ее на голову. Я сняла очки медленно, демонстративно.

В толпе повисла тишина. Даже тетя Люба, которая выглядывала из дверей магазина, перестала жевать жвачку.

— Явилась! — взвизгнула Марина, пытаясь вернуть инициативу. — Вот она, стерва! Полюбуйтесь, люди добрые! Приехала отца родного продать!

Я сделала шаг вперед. Спокойно. Уверенно.

— Спектакль окончен, Марина Петровна. Или вы хотите продолжить его в суде?

— В каком суде? — она растерялась, но тут же надулась от важности. — Ты меня судом не пугай, пигалица! У нас адвокаты получше твоих будут!

— Правда? — я улыбнулась. Улыбкой, от которой моим оппонентам обычно становилось холодно. — Тогда ваши адвокаты должны были объяснить вам значение статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Клевета. Часть вторая: клевета, содержащаяся в публичном выступлении.

Я обвела взглядом толпу.

— У нас здесь человек двадцать свидетелей. Вы только что публично назвали меня «шалавой», обвинили в мошенничестве и оскорбили мою мать. Это штраф до одного миллиона рублей или обязательные работы на срок до двухсот сорока часов. Представляете себя с метлой, Марина Петровна? Убирающей мусор на этой площади? В вашей норковой шубе?

Толпа хихикнула. Кто-то прыснул в кулак. Образ «барыни» с метлой был слишком соблазнительным.

Лицо Кулагиной пошло красными пятнами.

— Ты... да как ты смеешь! Я жена председателя! Я здесь власть!

— Ваш муж в СИЗО, — отрезала я. — А вы — гражданка Кулагина, которая сейчас наговорила себе на судимость. И я вам обещаю: если вы еще раз откроете рот в сторону моей семьи, я подам иск. И я его выиграю. И вы будете выплачивать мне компенсацию морального вреда до конца жизни. С пенсии. Потому что больше у вас ничего не останется.

Она задыхалась от гнева. Ей хотелось вцепиться мне в волосы, расцарапать лицо, уничтожить. Но она боялась. Мой тон, моя уверенность, мои слова — все это было ей непонятно и страшно. Она привыкла орать на доярок, а не спорить с юристом.

— Да пошла ты... — прошипела она, пытаясь сохранить лицо. — Нищенка! Максим вас всех...

— Максим? — перебила я, понизив голос. Я подошла к ней вплотную, так, чтобы слышала только она. — Кстати, о Максиме. Вы проверили свой сейф сегодня утром, Марина Петровна?

Она замерла. В глазах мелькнул испуг.

— Что? Какой сейф?

— Тот, где вы хранили фамильные драгоценности. Колье с бриллиантами, кольца. Просто совет: проверьте. А то Максимка очень уж суетился вчера, искал деньги. Ломбарды в городе открываются в девять. Может, еще успеете выкупить.

Это был выстрел наугад. Блеф. Я знала, что Максим в панике, знала, что ему нужны деньги, и знала психологию игроманов — они выносят из дома последнее. Но я не знала наверняка.

Однако реакция Марины сказала мне все.

Она побледнела так, что слой пудры стал похож на маску клоуна. Рука непроизвольно дернулась к шее, где висела массивная золотая цепь.

Она знала. Или догадывалась.

Подозрение червяком заползло ей в душу.

— Ты врешь... — прошептала она, но в голосе не было уверенности.

— Проверьте, — кивнула я и отступила назад, громко добавив для публики: — Всего хорошего, Марина Петровна. Берегите нервы. И шубу. Мошь не дремлет.

Я повернулась к маме, которая стояла ни жива ни мертва, прижимая к груди авоську.

— Пойдем, мам. Машина здесь.

Я взяла ее под руку и повела к «BMW». Толпа расступалась перед нами молча, с уважением.

— Ну, Васька... — прошептал кто-то сзади. — Ну, дает. Умыла барыню.

— А я говорил, она теперь сила! — поддакнул мужской голос.

Марина Кулагина осталась стоять на крыльце одна. Оплеченная, униженная, с червем сомнения в сердце. Она смотрела нам вслед, и я видела в зеркало заднего вида, как она достает телефон и дрожащими пальцами набирает номер.

Наверное, звонит сыночку. Спросить про бриллианты.

Я усадила маму в машину, села за руль и выехала с площади.

Только когда мы свернули в наш переулок, мама выдохнула и расплакалась.

— Вася... как ты ее... Я думала, она меня ударит.

— Не ударит, мам. Она трусиха. Они все трусы, когда встречают силу.

Я протянула ей салфетку.

— Прости, что тебе пришлось это выслушать. Я должна была это остановить.

— Ты... ты правда на нее в суд подашь?

— Если не заткнется — подам. Но думаю, ей сейчас будет не до нас. У них в семье намечается веселый вечер.

Я усмехнулась.

Публичная порка удалась. Теперь вся деревня знает: Маркеловых трогать нельзя. А Кулагины... Кулагины начали пожирать друг друга.

Бумеранг набирал скорость.

Глава 11(Сергей)

(от лица Сергея)

Телефон завибрировал на приборной панели, нарушая уютную тишину салона. Я бросил взгляд на экран.

«Маркелова».

Точнее, я сам так записал этот номер, который моя служба безопасности добыла вчера за пять минут. Я набрал ее, хотя знал, что, скорее всего, буду послан. Эта женщина не из тех, кто сразу бросается в объятия, даже деловые.

— Слушаю, — голос Василисы был сухим, деловым. Никакого «алло», никакого кокетства. Сразу к делу. Мне это нравилось.

— Доброе утро, Василиса Андреевна. Это Сергей Трифонов. Надеюсь, не разбудил?

Пауза. Я слышал, как она стучит по клавиатуре. Работает. В десять утра.

— Вы меня не разбудили, Сергей Владимирович. Но, боюсь, у меня нет времени на светские беседы. Если вы по поводу сделки с Максимом, то я уже все сказала: она незаконна.

— Я звоню не по поводу сделки, — я включил поворотник, выезжая с парковки гостиницы. — Мои юристы закон-

чили предварительный аудит. Те документы, о которых вы говорили... Мы нашли подтверждение. И еще кое-что. На Максима есть компромат, который выходит за рамки простого мошенничества.

— Поздравляю, — в ее голосе звучал сарказм. — Рада, что вы прозрели.

— Я предлагаю объединить усилия, Василиса. У вас есть доступ к Петру Кулагину и знание местной специфики. У меня — ресурсы и связи в Москве. Вместе мы сможем закрыть этот вопрос быстрее и эффективнее.

— Я привыкла работать одна, Сергей Владимирович. И, при всем уважении, я не доверяю людям, которые еще вчера собирались купить краденое имущество моих родителей. Спасибо за предложение, но нет.

Она сбросила вызов.

Я усмехнулся, глядя на погасший экран.

Гордая. Колючая. Как еж, которого пытаются погладить.

Она считает меня врагом. Рейдером. Что ж, имеет право. Я действительно приехал сюда не благотворительностью заниматься. Но чем больше я узнавал о ситуации, тем меньше мне хотелось иметь дело с Максимом и тем больше — с ней.

Я вырулил на трассу, ведущую в райцентр. У меня была встреча с главой местной администрации, но мысли все вре-

мя возвращались к Маркеловой.

Она «сделала себя сама». Мои безопасники накопили на нее досье толщиной с «Войну и мир». Золотая медаль в школе, красный диплом МГЮА, стажировка в Лондоне (ирония судьбы — там же, где учился Максим, только он кутил, а она пахала). Партнер в крупном бюро. Мать-одиночка.

Сыну девять лет. Отец в графе прочерк.

Интересно. Десять лет назад она уехала из деревни беременной. Максим остался.

Сложить два плюс два было несложно.

«Ах ты ж сукин сын», — подумал я про Кулагина-младшего. Бросить беременную девчонку — это дно.

Дорога была пустой. Поля, перелески, редкие встречные машины.

Километрах в десяти от Сосновки я увидел на обочине черный BMW. Капот открыт, из-под него валит сизый дым.

Возле машины, скрестив руки на груди, стояла она.

Василиса.

В своем безупречном сером костюме, который на фоне грязной обочины смотрелся вызывающе стильно. Она смотрела на дымящийся двигатель так, словно собиралась его засудить за неповиновение.

Я сбросил скорость и плавно притормозил рядом.

Опустил стекло.

— Кажется, немецкий автопром не выдержал суровых русских реалий? — спросил я, стараясь не улыбаться слишком широко.

Она обернулась. В ее глазах мелькнуло раздражение, смешанное с облегчением.

— Просто перегрелся. Или датчик полетел. Электроника, — буркнула она, захлопывая капот. — Сейчас остынет и поедет.

— Сомневаюсь, — я вышел из машины. — Судя по запаху, там что-то посерьезнее. Антифриз вытек?

Она вздохнула, отряхивая руки (хотя они были чистыми).

— Вытек. Я вызову эвакуатор.

— Связи нет, — я показал ей свой телефон. — Одна палочка, и та мигает. Мы в «мертвой зоне». До города десять

километров, до деревни столько же. Пешком на шпильках — сомнительное удовольствие.

Она посмотрела на свои туфли, потом на дорогу, уходящую в горизонт.

— Я подожду попутку.

— Василиса, — я подошел ближе, но соблюдая дистанцию. — Не упрямытесь. Я не кусаюсь. По крайней мере, до обеда. Садитесь. Я как раз еду в райцентр. Подброшу вас до сервиса или куда вам нужно.

Она колебалась. Гордость боролась с прагматизмом. Прагматизм победил.

— Хорошо, — кивнула она. — Только до города. И без лекций о пользе партнерства.

— Договорились.

Я открыл перед ней пассажирскую дверь. Она села, поджав ноги, стараясь не испачкать салон. Я обошел машину, сел за руль.

Внутри пахло моей кожей и ее духами — чем-то прохладным, цитрусовым, с ноткой горечи.

Я включил климат-контроль посильнее.

— Куда именно в городе? — спросил я, выруливая на ас-

фальт.

— В прокуратуру. И в банк.

— Серьезный маршрут. Копаете под Максима?

Она метнула на меня острый взгляд.

— Мы же договорились без разговоров о деле.

— Я просто поддерживаю беседу. Ехать минут двадцать.

В тишине будет скучно.

Она отвернулась к окну, разглядывая проплывающие мимо березы.

— Я посмотрел ваше досье, — сказал я, решив идти в банк.

Она резко повернулась.

— Что? Вы собирали на меня досье?

— Это стандартная процедура, Василиса. Я бизнесмен. Я должен знать, с кем имею дело. И знаете, что меня удивило?

— Что у меня нет судимостей?

— Нет. То, что вы сделали себя сами. Девочка из глухой деревни, без связей, без денег, с ребенком на руках... Стать

партнером в топовом бюро в Москве — это сильно. Я уважаю таких людей.

Ее плечи чуть расслабились. Лесть? Нет, она слишком умна для лести. Она поняла, что я говорю искренне.

— Я тоже из деревни, — продолжил я, глядя на дорогу. — Рязанская область. Отец пил, мать тянула нас троих. Я знаю, каково это — носить обноски и мечтать о кроссовках. Знаю, как смотрят городские. Как приходится грызть землю, чтобы доказать, что ты чего-то стоишь.

— Поэтому вы стали инвестором? — спросила она тихо. — Чтобы доказать?

— Сначала — да. Хотел купить весь мир и ткнуть им в лицо тем, кто смеялся. А потом... Потом понял, что деньги ради денег — это скучно. Я люблю землю, Василиса. Я аграрий, а не спекулянт. Я строю фермы, элеваторы. Создаю рабочие места.

Она посмотрела на меня с интересом. Впервые без враждебности.

— А Максим сказал, что вы хотите построить здесь гольф-клуб.

— Максим идиот, — усмехнулся я. — Он сказал то, что хотел услышать сам. Ему нужны быстрые деньги. А мне нуж-

ны земли под зерновые. И мне нужны люди, которые умеют работать. Такие, как ваши родители. Я не собирался никого увольнять. Наоборот.

Она молчала. Переваривала информацию.

Лед тронулся. Я чувствовал это.

— Если вы такой честный, — произнесла она наконец, — зачем вы связались с Максимом? Вы же видели, что он скользкий тип.

— Видел. Но бизнес есть бизнес. Активы были интересные. Я не знал всей подноготной. Не знал, что он подставил отца. Это... грязно. Я такое не приемлю.

Мы въехали в город. Я сбавил скорость.

— Куда именно? К прокуратуре?

— Да. На улицу Ленина.

Я остановился у серого здания с флагом.

Василиса взялась за ручку двери, но не вышла.

— Спасибо, что подвезли. И... за честность.

Я потянулся к заднему сиденью, достал свою папку.

— Василиса, подождите.

Она обернулась.

— Возьмите, — я протянул ей папку. — Это не помощь. И не попытка купить ваше доверие. Это боеприпасы. Здесь выписки со счетов фирм-однодневок, через которые Максим выводил деньги. Мои юристы достали их через свои каналы. Это ускорит ваше расследование.

Она посмотрела на папку, потом на меня.

— Зачем вам это? Вы же теряете сделку.

— Сделку с вором я уже потерял. А вот совесть терять не хочу. Берите. Пользуйтесь.

Она медленно протянула руку. Наши пальцы соприкоснулись на кожаной обложке.

Меня словно током ударило. Легкий разряд статического электричества, но от него по коже побежали мурашки.

Она тоже это почувствовала. Я увидел, как расширились ее зрачки. Она быстро отдернула руку, прижимая папку к груди.

— Спасибо, Сергей, — сказала она тихо. Без отчества.

— Удачи, Василиса. Если что — я на связи.

Она вышла из машины. Я смотрел, как она поднимается

по ступеням прокуратуры — прямая спина, уверенный шаг.

Она была великолепна.

Опасная. Умная. Красивая.

И, кажется, я начинал влюбляться.

Чертовски неуместно. Но когда это нас останавливало?

Я подождал, пока она скроется за дверью, и тронул машину.

Максим Кулагин, ты даже не представляешь, какую войну ты развязал. И теперь против тебя играют двое.

И шансов у тебя нет.

Глава 12

Домой я добралась уже в сумерках. Мой многострадальный «BMW» остался в сервисе райцентра, ожидая запчастей из области, так что пришлось воспользоваться услугами местного такси — раздолбанной «Лады», в салоне которой пахло дешевым табаком и шансоном.

Водитель, дядя Вася (в нашей деревне каждый второй был Васей, включая меня), всю дорогу пытался выведать, правда ли, что я «того самого Кулагина» в тюрьму сажать приехала. Я отмалчивалась, глядя на мелькающие за окном березы. Сплетни в Сосновке распространялись быстрее, чем вирус гриппа в детском саду.

Мама встретила меня на крыльце, тревожно вглядываясь в лицо.

— Устала? Есть будешь?

— Буду, мам. Слона съем. Только сначала поработаю немного.

Я прошлав свою комнату, бросила на стол папку, которую мне передал Сергей. Тяжелая, кожаная, с тисненым логотипом «Вектор». Даже папка кричала о том, что ее владелец —

человек серьезный.

Я поужинала наспех, почти не чувствуя вкуса котлет, и заперлась в комнате.

Настало время узнать, что же накопили ищeyки Трифонова.

Я включила настольную лампу, создав уютный круг света, и открыла папку.

Внутри лежали аккуратно подшитые листы. Выписки, справки, отчеты. Никакого хаоса, в отличие от бумаг колхозной бухгалтерии. Здесь работали профессионалы.

— Ну что, Сергей Владимирович, удивите меня, — пробормотала я, беря первый лист.

И он удивил.

Я читала и не верила своим глазам. Это был не просто аудит. Это было полноценное досье на финансовую деятельность Максима Кулагина за последние полгода. Как служба безопасности «Вектора» достала эти данные так быстро? Банковская тайна? Для людей уровня Трифонова, видимо, это понятие условное.

Вот они, переводы на фирмы-однодневки. Те самые «СтройМастер» и «Вектор-М».

Но здесь были детали, которых не было в официальной бухгалтерии.

IP-адреса, с которых осуществлялся вход в банк-клиент.

Геолокация.

Я провела пальцем по строчке.

15 апреля. Перевод трех миллионов рублей на счет ООО «Рога и Копыта» (условно). Вход в систему осуществлен с IP-адреса, зарегистрированного в Москве, провайдер МГТС.

В этот день Петр Ильич лежал в реанимации нашей областной больницы под капельницей. Он физически не мог находиться в Москве.

— Значит, токен был в столице, — прошептала я. — Кто у нас жил в Москве в апреле? Правильно, Максим.

Я перевернула страницу.

Выписка по корпоративной карте колхоза. Эта карта была привязана к расчетному счету и предназначалась для представительских расходов председателя. Бензин, командировки, обеды с партнерами.

Но судя по распечатке, Петр Ильич в свои шестьдесят лет вел жизнь рок-звезды.

10 апреля. Снятие наличных. 150 000 рублей. Банкомат «Сбербанка», Москва, Кутузовский проспект, дом 12.

12 апреля. Оплата счета в ресторане «Турандот». 85 000 рублей.

14 апреля. Покупка в бутике ЦУМа. 200 000 рублей.

20 апреля. Снятие наличных. 300 000 рублей. Банкомат в лобби отеля «Ритц-Карлтон».

Я откинулась на спинку стула, чувствуя, как губы растягиваются в хищной улыбке.

— Идиот, — сказала я вслух. — Какой же ты сказочный идиот, Максим.

Он даже не пытался скрываться. Он тратил деньги колхоза — деньги, которые его отец зарабатывал горбом, деньги, которые должны были пойти на зарплаты трактористам и дояркам, — на шмотки, рестораны и красивую жизнь. И делал это, пока отец умирал в больнице.

Я представила Петра Ильича. Старого, больного, лежащего на казенной койке, пока его сынок проедает миллионы в «Турандоте».

Это было мерзко. Грязно. Но для меня — это был джек-пот.

Мне нужно было одно звено, чтобы замкнуть цепь.

Как карта попала к Максиму?

Петр Ильич — человек старой закалки. Он не доверял банкам, но вынужден был пользоваться картами. Пин-код он наверняка не помнил. Где он его хранил?

Я закрыла глаза, пытаясь вспомнить кабинет председателя десятилетней давности.

Сейф. Огромный, зеленый, стоящий в углу за фикусом. Петр Ильич всегда держал там печать, наличку и... маленькую черную записную книжку. «Склерозник», как он ее называл. Там были телефоны районного начальства, дни рождения внуков (которых он хотел, но не признал) и, скорее всего, пароли.

Если Максим забрал карту, он должен был забрать ее из сейфа.

Но как он его открыл?

Ключи. Ключи от сейфа всегда висели на поясе у Петра Ильича. Или лежали в кармане пиджака.

Когда отца увезли в больницу с инсультом, его вещи... Вещи отдали родственникам. Жене или сыну.

Я схватила телефон. Десять вечера. Поздно. Но адвокат Иванов, этот мальчик для битья, должен быть на связи. Он теперь работает на меня.

Гудки шли долго. Наконец, сонный голос ответил:

— Алло? Василиса Андреевна? Что-то случилось?

— Иванов, проснись и пой. У меня вопрос на миллион. В материалах дела есть протокол обыска в кабинете Кулагина?

— Э-э... да, есть. Следовательно изымал документы в день ареста.

— Сейф был открыт или взломан?

— Открыт. Ключи выдал добровольно Максим Петрович. Он сказал, что отец передал ему ключи для ведения дел, пока болеет.

— Отлично, — я почувствовала прилив торжества. — Зафиксируй это. Максим сам признал, что имел доступ к сейфу и ключам в период болезни отца. Это есть в протоколе допроса?

— Да, кажется... Он говорил, что помогал отцу.

— Он помогал себе, Иванов. Он помогал себе грабить кас-

су. Завтра с утра запроси выписку по движению средств с корпоративной карты. И ходатайствуй о запросе видео с камер банкоматов в Москве по адресам, которые я тебе скину смской.

— Видео? Зачем?

— Затем, что на видео будет не Петр Ильич, а его любящий сын. Это железное алиби для старика и статья для Максима. Все понял?

— Да! Понял! Сделаю!

Я положила трубку.

Пазл сложился. Осталось только получить картинку. Видеозапись, где Максим снимает деньги, станет последним гвоздем в крышку его гроба. И тогда никакой «особый порядок» Петру Ильичу не понадобится. Его оправдают за отсутствием состава преступления. А вот Максиму придется примерить тюремную робу.

Я посмотрела на папку «Вектора».

Сергей Трифонов.

Он знал все это. Его люди нашли это раньше меня. Он мог использовать эту информацию, чтобы шантажировать Мак-

сима, заставить его продать колхоз за копейки. Но он отдал папку мне.

Почему?

«Совесьть», — сказал он.

В мире большого бизнеса совесть — это атавизм, вроде хвоста. Но Сергей... Он был другим. Или очень хорошо играл роль благородного рыцаря.

Телефон снова ожил. На экране высветилось: «Инвестор».

Я усмехнулась. Легок на помине.

— Изучили папку, Василиса Андреевна? — его голос звучал бодро, без тени сонливости. На заднем фоне играла тихая музыка. Джаз.

— Изучила, Сергей Владимирович. Захватывающий детектив. Спасибо. Вы сэкономили мне неделю работы. И, возможно, спасли моего клиента от тюрьмы.

— Рад слышать. Значит, я не зря напрягал своих ребят. Что скажете? Достаточно для прокуратуры?

— Более чем. Завтра я добавлю к этому видео с камер банкоматов, и у следователя не останется выбора, кроме как

переквалифицировать дело.

— Отличный план. Кстати... мое предложение об ужине все еще в силе. В райцентре есть неплохой ресторан «Охотник». Говорят, там подают сносную дичь.

Я посмотрела на свое отражение в темном окне. Усталая женщина с растрепанными волосами, в домашней футболке.

— Давайте сначала посадим вора, Сергей Владимирович. А потом поужинаем. Не люблю делить шкуру неубитого медведя, даже если подают дичь.

Он рассмеялся. Низкий, бархатный смех, от которого по коже побежали мурашки.

— Принимается. Но я буду настойчив. Спокойной ночи, Василиса.

— Спокойной ночи.

Я отложила телефон.

Сердце билось чуть быстрее, чем нужно. Это плохо. Эмоции мешают работе. Мне нельзя увлекаться. Сергей — союзник, но он все еще мужчина. А мужчины в моей жизни приносили только проблемы.

Я погасила лампу. Комната погрузилась в темноту.

Нужно спать. Завтра будет тяжелый день. Допросы, ходатайства, битва с системой.

Я подошла к окну, чтобы задернуть штору плотнее.

И замерла.

У наших ворот стоял автомобиль.

Не черный седан Сергея.

Огромный, квадратный силуэт «Гелендвагена». В свете фонаря блеснул хром решетки радиатора.

Максим.

Сердце пропустило удар, а потом забилося с удвоенной силой.

Что он здесь делает?

Дверь джипа открылась. Максим буквально вывалился наружу. Он едва держался на ногах. В одной руке у него был какой-то веник (цветы?), в другой — бутылка.

Он шагнул к калитке, пошатнулся, схватился за забор.

Пьяный. Вдрызг.

— Васька! — заорал он, и его голос разорвал ночную ти-

шину, как выстрел. Собаки у соседей тут же зашлись лаем.
— Васька, выходи! Разговор есть!

Я отпрянула от окна.

Господи, только этого не хватало. Пьяный бывший с претензиями в час ночи.

Мама с папой спали в другой половине дома. Если он их разбудит... Если начнет ломиться...

Максим пнул калитку ногой. Железо лязгнуло.

— Открывай, стерва! Я знаю, что ты не спишь! Я свет видел! Выходи, поговорим по-старому!

Я почувствовала, как страх сменяется холодной, белой яростью.

Он думает, что может прийти сюда, пугать моих родителей, орать под окнами? Он думает, что он все еще хозяин жизни?

Я накинула халат, сунула ноги в тапочки.

Взгляд упал на телефон. Вызвать полицию? Пока они доедут из райцентра, он разнесет забор. Позвонить Сергею? Нет, это мои проблемы. Я не буду прятаться за мужскую спину.

Я вышла в прихожую. Сняла с крючка тяжелую связку

ключей.

В углу стояла папина трость — массивная, с набалдашником. Я взяла ее. На всякий случай.

Вышла на крыльцо. Прохладный воздух ударил в лицо.

Максим стоял у калитки, пытаюсь открыть щеколду. Цветы (похоже, ободранные с клумбы у правления) валялись в грязи. Бутылку коньяка он прижимал к груди, как младенца.

— Чего тебе? — спросила я громко, не спускаясь со ступенек.

Он поднял голову. Лицо в свете фонаря было опухшим, глаза мутными.

— О! Васька! — он расплылся в пьяной улыбке. — Вышла... А я тут... мириться пришел. Ну чего мы как враги? Десять лет прошло. Давай выпьем? За встречу!

— Уходи, Максим, — сказала я ледяным тоном. — Ты пьян. Проспись, потом поговорим. В суде.

— В суде... — он скривился. — Все ты судами пугаешь. Скучная стала. А раньше веселая была. Помнишь, как мы на сеновале?..

— Заткнись, — оборвала я его. — Уходи по-хорошему. Или я спущу Полкана.

Наш пес, Полкан, старый, но грозный кавказец, уже рычал

в будке, чувствуя чужака.

— Да ладно тебе! — Максим дернул калитку, и хлипкий замок поддался. Он ввалился во двор. — Я же с любовью! С цветами! Ну давай, не ломайся. Мы же родные люди. Может, вспомним молодость? Ты же меня любила...

Он шагнул к крыльцу. От него разило перегаром и дорогим одеколоном — тошнотворная смесь.

— Стой там! — я перехватила трость поудобнее. — Еще шаг — и я за себя не ручаюсь.

— Ого! С палкой? — он загоготал. — Любишь пожестче? Это я могу. Иди сюда, моя адвокатесса...

Он полез на ступеньки, протягивая ко мне свои потные руки. В его глазах не было любви. Там была похоть и злоба. Желание унижить, подчинить, доказать, что он все еще сверху.

Я не стала ждать.

Когда его рука потянулась к моему халату, я с размаху ударила тростью по перилам, в сантиметре от его пальцев. Дерево треснуло.

Максим отшатнулся, чуть не упав.

— Ты че, дура?!

— Вон! — рывкнула я так, что у него, кажется, протрез-

вело в глазах. — Пошел вон с моего двора! У тебя десять секунд, прежде чем я вызову наряд. И поверь, они заберут тебя не в вытрезвитель, а в камеру к папе!

Он смотрел на меня, моргая. В его пьяном мозгу, видимо, происходил сложный процесс осознания. Он увидел не испуганную девочку, а фурию, готовую убивать.

— Ладно, ладно... — пробормотал он, пятясь. — Чего орать-то... Нервная какая. Не хочешь по-хорошему — будет по-плохому. Пожалеешь еще, Маркелова. Приползешь.

Он развернулся, чуть не упав в клумбу, и поплелся к выходу. Поднял с земли бутылку (цветы так и остались валяться), сел в машину.

«Гелендваген» взревел, разрывая шинами гравий, и рванул с места, едва не снеся наш почтовый ящик.

Я стояла на крыльце, сжимая трость, пока красные огни его стоп-сигналов не скрылись за поворотом.

Меня трясло. Не от страха. От омерзения.

Этот человек был отцом моего сына.

Господи, какое счастье, что он об этом не знает.

Я вернулась в дом, заперла дверь на все замки.

Завтра.

Завтра я уничтожу его. Теперь это не просто работа. Это санитарная зачистка. Я вырежу эту опухоль из жизни моей семьи и из жизни этого колхоза.

Максим Кулагин, твое время истекло.

Глава 13

Остаток ночи прошел в каком-то липком тумане. Я так и не сомкнула глаз. Сидела на кухне, глядя, как медленно се-реет небо за окном, и прислушивалась к каждому шороху. Мне казалось, что «Гелендваген» может вернуться в любую минуту. Что Максим, подогретый алкоголем и обидой, ре-шит взять реванш за свой позорный побег.

Полкан, наш старый пес, тоже не спал. Он ворочался в будке, время от времени издавая глухое рычание, словно чувствовал, что угроза не ушла, а просто затаилась.

Родители тоже не спали. Я слышала, как отец ворочается в спальне, как скрипит кровать, как мама тихо шепчет ему что-то успокаивающее.

Я чувствовала вину. Вину за то, что привезла эту войну в их дом. За то, что их старость, которая должна была быть тихой и спокойной, превратилась в линию фронта.

Когда солнце наконец взошло, залив кухню холодным утренним светом, я встала и вылила в раковину остатки остывшего кофе. Хватит рефлексировать. Страх — плохой советчик. Злость — гораздо лучше.

— Доброе утро, — на кухню вошла мама. Глаза красные, лицо осунувшееся.

— Доброе, мам. Как папа?

— Давление сбили. Лежит. Вася... — она подошла ко мне и взяла за руку. — Может, уедешь? Он ведь не отстанет. Он больной на всю голову, этот Максим.

— Не уеду, — твердо сказала я. — Если я уеду, он сожрет вас. И колхоз. И вообще, с какой стати я должна бежать? Это мой дом.

Я быстро умылась, наложила легкий макияж, чтобы скрыть следы бессонной ночи, и оделась. Сегодня мой «до-спех» был чуть проще — темно-синие джинсы и белая рубашка. Но туфли остались те же. Шпильки — это мое оружие.

— Я в суд, — бросила я маме. — Подаю ходатайства. Потом заеду в полицию, напишу заявление о ночном визите. Пусть участковый будет в курсе.

— Будь осторожна, дочка.

— Не волнуйся. Днем он не сунется. Вампиры боятся солнечного света.

Я вызвала такси (мой BMW все еще томился в сервисе) и поехала в райцентр.

День обещал быть жарким. И в прямом, и в переносном смысле.

В суде меня уже знали. Секретарша, принимавшая доку-

менты, смотрела на меня с благоговейным ужасом. Слухи о том, как столичная адвокатесса «умыла» Кулагину-старшую у магазина, уже разлетелись по району.

Я подала ходатайство о назначении почерковедческой экспертизы и запрос на истребование видеозаписей из банков.

Все шло по плану. Механизм правосудия, скрипучий и неповоротливый, начал вращаться.

На выходе я столкнулась с Ивановым. Бывший адвокат Петра Ильича выглядел так, словно не спал неделю.

— Василиса Андреевна! — он кинулся ко мне, как к родной. — Я все передал! Следователь в шоке, конечно, но бумаги принял. Только...

— Что «только»? — я остановилась, надевая солнечные очки.

— Он сказал, что на него давят. Сверху. Звонили из области. Кто-то очень хочет, чтобы дело закрыли быстро и тихо.

Я усмехнулась.

— Максимка суетится. Пытается задействовать папины связи. Не переживай, Иванов. Связи работают, пока есть

деньги. А у Максима с этим скоро будут большие проблемы.

Я оставила перепуганного коллегу переваривать информацию и поехала домой.

Нужно было отдохнуть перед следующим раундом.

Такси высадило меня у ворот около часа дня. Солнце палило немилосердно.

Я расплатилась с водителем и уже собиралась войти во двор, когда увидела его.

Черный «Гелендваген» снова стоял у нашего забора.

Только на этот раз не поперек дороги, как ночью, а аккуратно припаркованный в тени старой липы.

Я замерла, сжимая ручку сумки. Внутри все сжалось. Опять?

Но дверь машины открылась, и оттуда вышел Максим.

Трезвый. Выбритый. В свежей рубашке поло и джинсах.

И с огромным букетом красных роз.

Я моргнула. Это что еще за цирк?

Вчера он ломился в дверь с перекошенным лицом, обе-

щая уничтожить меня. А сегодня стоит с цветами, как первоклассник на линейке?

— Вася! — он улыбнулся. Широко, белозубо, той самой улыбкой, от которой десять лет назад у меня подкашивались колени. — Привет. А я тебя жду.

Я медленно подошла к калитке, но не стала ее открывать. Забор был невысоким, мы видели друг друга прекрасно.

— Чего тебе, Максим? — спросила я устало. — Ночного концерта было мало? Решил дневное представление устроить?

— Вась, ну прости, — он сделал виноватое лицо, опустив глаза на букет. — Перебрал вчера. Нервы, сам понимаешь. Отец в тюрьме, бизнес горит... Сорвался. Я не хотел тебя пугать. Правда.

Он протянул букет через забор. Розы были шикарные, голландские, на длинных стеблях. Пахли они одуряюще сладко, перебивая запах пыли.

— Возьми. В знак примирения.

Я смотрела на цветы и чувствовала, как к горлу подкатывает тошнота.

Это было так... типично. Так по-кулагински. Сначала ударить, унижить, растоптать, а потом купить прощение дорогим подарком. Он думал, что все в этом мире работает по

этой схеме. Что меня можно купить веником роз, пусть и дорогим.

— Убери, — сказала я холодно. — У меня аллергия. На дешевые спектакли.

Максим не убрал цветы. Наоборот, он придвинулся ближе к забору, заглядывая мне в глаза.

— Ну чего ты такая колючая? Вась, давай поговорим нормально. Без адвокатов, без судов. Мы же не чужие люди.

— Мы чужие, Максим. Мы стали чужими десять лет назад, когда ты спрятался за папину спину.

— Да брось ты! — он махнул рукой, отчего розы качнулись. — Молодые были, глупые. Я испугался, да. Признаю. Но сейчас-то мы взрослые. Я смотрю на тебя и думаю: какая же ты стала... шикарная. Правда. Москва тебе на пользу пошла. Ты там, наверное, всех мужиков с умаводишь?

Он понизил голос до интимного шепота.

— Признайся, ты ведь скучала. Поэтому приехала. Не ради паев этих дурацких, а ради меня. Хотела увидеть, какой я стал. Ну вот он я. Смотри.

Меня передернуло от омерзения. Какая же у него в голове каша. Какой эгоцентризм. Он искренне верил, что весь мир вертится вокруг его персоны. Что я, успешный адвокат, бросила все дела и примчалась в эту дыру только ради того,

чтобы посмотреть на его пьяную физиономию.

— Ты болен, Максим, — сказала я спокойно. — У тебя мания величия. Лечись.

— Да ладно тебе ломаться! — он вдруг протянул руку через забор и попытался схватить меня за плечо. — Я же вижу, как ты на меня смотришь. Глаза-то горят. Помнишь, как нам было хорошо? На сеновале, у речки... Ты же стонала подомной так, что вся деревня слышала.

Его пальцы коснулись моей руки. Ладонь была влажной, горячей.

Меня словно током ударило. Грязным, липким током.

Воспоминания, которые я прятала в самый дальний ящик памяти, вдруг всплыли. Его руки на моем теле. Его шепот. Его запах.

Тогда это казалось любовью. Сейчас это казалось насильем над моей памятью.

Я отшатнулась, с силой ударив по его руке своей сумкой.

— Не трогай меня! — закричала я, не сдерживаясь. — Никогда не смей меня трогать!

Максим отдернул руку. Букет выпал из его пальцев и упал в пыль у забора. Красные лепестки рассыпались, как капли

крови.

Маска влюбленного Ромео слетела с него мгновенно. Лицо исказилось, губы скривились в злой ухмылке.

— Ишь ты, недотрога, — процедил он. — Забыла, кто тебя девственности лишил? Кто тебя женщиной сделал? Думаешь, костюмчик надела и королевой стала? Да ты как была колхозницей, так и осталась.

— Убирайся, — я шагнула к калитке, проверяя засов. — Мой ответ — в повестке к следователю. Тебя вызовут завтра. Готовься отвечать на вопросы про апрельские переводы и банкоматы в Москве.

При упоминании банкоматов он побледнел.

— Ты... ты что, накопила?

— Я накопила достаточно, чтобы ты сел рядом с папой. А может, и вместо него.

Максим посмотрел на меня с ненавистью. Чистой, незамутненной ненавистью загнанной крысы.

— Ты пожалеешь, Маркелова, — прошипел он. — Я тебе устрою. Ты у меня кровью умоешься. Я знаю, как тебе больно сделать.

— Попробуй, — я вздернула подбородок. — Только учти: я не одна. И за мной не только закон, но и люди, которых

ты кинул. Сергей Трифонов, например, очень интересуется твоими художествами с подписями.

Имя Трифопова подействовало на него как удар под дых. Он знал, что с инвестором шутки плохи.

— Сука... — выдохнул он. — Спелись, значит? Легла под москвича? Ну-ну. Посмотрим, кто кого.

Он развернулся, наступив ботинком на розы, и пошел к машине.

— Жди гостей, Вася! — крикнул он, садясь за руль. — Скоро к тебе придут!

Двигатель взревел, и черный джип сорвался с места, подняв облако пыли.

Я осталась стоять у калитки, глядя на растоптанные цветы.

Красные розы в серой пыли. Символ нашей «любви». Символ его попытки купить меня.

Меня трясло. Руки дрожали так, что я с трудом открыла замок калитки.

Мне нужно было в душ. Смыть с себя его взгляд, его прикосновение, его запах.

Я зашла в дом, прислонилась спиной к двери и сползла на пол.

Господи, как же я его ненавижу.

И как же я боюсь.

Не за себя. За Кирилла.

«Я знаю, как тебе больно сделать».

Что он имел в виду? Он знает про сына? Или это просто пустая угроза?

Телефон в сумке зазвонил.

Я вздрогнула, выхватила его.

На экране фото улыбающегося мальчика с шахматной фигурой в руке.

Кирилл.

Сердце ухнуло вниз.

Я сделала глубокий вдох, пытаюсь успокоить голос.

— Да, сынок? Привет.

— Мам... — голос ребенка дрожал. Он плакал.
Мир вокруг меня остановился.

— Что случилось? Кирюша, ты где? Что с тобой?

— Мам, мне страшно... Тут дядя какой-то приходил...
У меня потемнело в глазах.

Максим? Неужели он добрался до Москвы? Но как? Он же только что был здесь!

— Какой дядя? Где ты? Ты с няней?

— Да, тетя Даша его прогнала... Но он в дверь звонил, кричал, что ты ему денег должна... Мам, забери меня! Я хочу к тебе! Я не хочу здесь быть!

Коллекторы.

Это были коллекторы Максима. Он дал им мой адрес? Или они сами нашли, пробив связи?

— Тише, маленький, тише, — зашептала я, чувствуя, как по щекам текут слезы. — Никто тебя не тронет. Тетя Даша дверь закрыла?

— Да...

— Никому не открывайте. Я скоро буду. Я все решу. Я заберу тебя, слышишь?

Я отключилась, прижимая телефон к груди.

Максим перешел черту. Он натравил своих кредиторов на меня. На моего ребенка.

Я должна ехать. Прямо сейчас.

Но если я уеду, родители останутся одни.

Я металась по прихожей, не зная, что делать.

Разорваться? Клонироваться?

В этот момент телефон снова пискнул. СМС.

Не от Кирилла. От Сергея.

«Василиса, мне нужно с вами поговорить. Это не по телефону. Я заеду через час. И да... я знаю про коллекторов. Не волнуйтесь, мои люди уже там. Ваш сын в безопасности».

Я уставилась на экран.

Он знает.

Он послал охрану к моему сыну.

Он защищает моего ребенка.

Я медленно опустилась на пол.

Сергей Трифонов. Человек-загадка. Человек-скала.

Он знал про сына.

Но знал ли он, чей это сын?

И что он попросит взамен за свою защиту?

Через час я узнаю.

А пока... пока я просто сидела на полу и плакала, сжимая в руке телефон, как спасательный круг.

Война перестала быть просто юридической. Она стала личной.

И теперь пленных брать никто не будет.

Глава 14

Я сидела на ступеньках крыльца, обхватив колени руками, и смотрела на калитку. Телефон я сжимала так, что корпус нагрелся и стал влажным от пота.

Прошел час с момента звонка Сергея. Шестьдесят минут, которые тянулись как бесконечная пытка.

В доме было тихо. Мама, накапав себе корвалола, прилегла в гостиной. Папа сидел рядом с ней, держа ее за руку. Они оба были напуганы. Не за себя — за внука. За Кирилла, который был далеко, в Москве, и до которого дотянулись грязные руки Максима.

Телефон в моей руке снова ожил.

Дарья.

Я ответила мгновенно, не дав пройти и первому гудку.

— Да? Как вы?

— Все хорошо, Вась, выдыхай, — голос подруги звучал спокойно, даже немного весело. — «Гости» ушли. Испарились, как нечистая сила при виде святой воды.

— Что случилось?

— Приехали какие-то ребята. Крепкие такие, в костюмах. Не полиция, но явно серьезные. Подошли к этим упырям, поговорили пару минут. Я не слышала о чем, но коллекторы побелели, сели в свою развалюху и умотали так, что пятки сверкали.

Я закрыла глаза, чувствуя, как напряжение, сковавшее все тело, начинает отпускать.

— А ребята? Те, что в костюмах?

— Стоят у подъезда. Один поднялся, представился начальником охраны Трифонова. Сказал, что будет дежурить внизу, пока не поступит отбой. Вежливый такой, Кирилл ему даже свой само

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.